

бия. Усиленные заботы Правительства о благосостоянии башкир указывают на высшую степень развития между ними праздности, но поступающие постоянно ходатайства о разрешении устройства новых мечетей, многочисленность существующих и исключительно религиозное преподавание в школах, значительно распространенных, очевидно доказывают, что праздность развита между башкирами совершенно независимо от степени их религиозного настроения, а следовательно, и порождаемая праздностью безнравственность ни какого соотношения с ревностью к обрядам религии у них места не имеет.

Не разделяя приведенных духовным собранием оснований, я нахожу вместе с тем, что разрешение устройства молитвенных домов ослабит действие закона об условиях, при коих допускается устройство мечетей, введет существование неутвержденных мулл (т. е. лиц, совершающих молитвы) и даст повод последним развить бесконтрольно фанатизм в каждом незначительном селении. Кроме того, самое устройство молитвенных домов потребует издержек, которые более или менее будут обременительными для жителей, обязанных и без того поддерживать официальное сельское духовенство, вымогающее немало денег.

С[о] своей стороны я нахожу, что настоящее число мечетей в Уфимской губернии слишком велико и содержание их обременительно для магометанского народонаселения, побуждаемого к составлению приговоров об открытии мечетей происками лиц, ищущих духовного звания. По мнению моему, следовало бы при дозволении устройства мечетей принимать в сообщение не число душ, как это требуется ст. 1205 XI т. ч. 1 и 261 XII т. Уст. строит., но число дворов. Уменьшение числа мулл, служащих орудием закоснелости и грубого противодействия мерам развития населения при требовании от них знания русского языка, непременно будет иметь благодетельные последствия для благосостояния магометанского населения.

Губернатор Аксаков

язык и грамоту, должно было полностью перейти в руки правительства. «Через выдачу жалования нужно поставить мулл в зависимость от правительства», — писал он. Для покрытия расходов на содержание духовенства Н. А. Крыжановский предполагал ввести налоги с мусульман. По его словам, налоговое бремя быстро изменит мироощущение мусульман и они перестанут содержать своих имамов и мечети. Это приведет к тому, что население начнет отка-

зываться от ислама. Вето на проект наложил министр П. А. Валуев, опасавшийся появления неконтролируемых «тайных мулл», способных успешно противостоять официальным государственным чиновникам. От резких шагов по изменению порядка избрания духовных служителей правительство предостерег Салимгарей Тевкелев.

15 декабря 1886 г. Государственный совет принял постановление, регулирующее строительство мечетей и выбор имамов и муэдзинов на новой основе, что было впоследствии зафиксировано и в Строительном уставе:

1900 г. Из Строительного Устава 1900 г.

Глава V. О ПОСТРОЕНИИ МАГОМЕТАНСКИХ МЕЧЕТЕЙ

154. Построение новых мечетей допускается не иначе, как по представлению от приходов и приходских чинов Магометанскому духовному начальству (т. е. Таврическому магометанскому духовному правлению или Оренбургскому магометанскому духовному собранию, по принадлежности) и с утверждения начальства губернского после надлежащего удостоверения в необходимости построения сих новых мечетей, а равно и в достаточности средств для приличного их содержания. 1744 Февр. 20 (8875); 1782 Апр. 8 (15379) уст., ст. 58; 1829 Мая 31 (2902); 1831 Дек. 23 (5033) ст. 63.

Примечание. В областях Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской возвведение мечетей разрешается подлежащим генерал-губернаторами, а в областях Уральской и Тургайской, на общем основании, Министром внутренних дел. 1891 Март 25 (7574) пол., ст. 99; 1897 Дек. 26 (14818) Имен. ук., ст. 2.

155. При сем (ст. 154) наблюдаются следующие правила: 1) чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных мужского пола душ, 2) чтобы общество, долженствующее составить новый приход, изъявило надлежащим образом, в общественном приговоре, согласие свое на доставление средств для обеспечения содержания мечети и нужного при ней духовенства. 1886 Дек. 15 (4102).

156. По магометанским приходам, Оренбургскому духовному собранию подведомственным, построение мечетей, независимо от требуемого предшедшею статьею для сооружения оных числа прихожан, допускается в таком только случае, если от построения мечети не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар. 1742 Ноябр. 19 (8664); 1756 Авг. 23 (10597).

В соответствии с законом допускалось возведение молитвенных домов без прикрепленных имамов независимо от числа прихожан. Единственным ограничением было то, что запрещалось их строительство вблизи селений христиан и новокрещеных татар. Правительство изменило 261-ю статью Строительного устава и разрешило строительство мечетей с выборным духовенством при наличии прихожан не менее 200 душ мужского пола.

Теперь все мечети становились соборными, что означало потенциальную возможность увеличения числа религиозных служителей. Местная администрация критически восприняла постановление от 15 декабря 1886 г. и последовавший указ Сената от 29 января 1887 г., отменившие предписание уфимского губернатора о запрете строительства второй мечети в д. Асяново Бирского уезда. Уфимское губернское правление признавало, что подобные действия связали чиновникам руки.

Действительно, после 1885 г. произошел резкий рост мечетей и мусульманского духовенства. На момент принятия постановления в Уфимской губернии было 1 336 мечетей и 2 240 духовных лиц, в Оренбургской губернии соответственно 486 и 903. Через 10 лет в Уфимской губернии насчитывалось уже 1 609 мечетей и 3 556 духовных лиц, а в Оренбургской — соответственно 577 и 1 017. За XIX в. число мечетей в крае увеличилось почти в 2 раза, а мулл и муэдзинов — в 2,5 раза.

Императорский указ
об утверждении в должности
муллы со званиями имама
и мугаллима

К 1889 г. в ведении ОМДС находилось 4 254 прихода, 3,4 млн. прихожан обоего пола, 65 ахунов, 2 734 хатыба, 2 621 мударрис и имам, 2 783 муэдзина.

В 1912 г. в территориальной компетенции Духовного собрания уже находились 3,5 млн. мусульман из 40 губерний, 6 202 прихода, почти 13 500 духовных лиц (по другим данным, в 1912 г. в ведении ОМДС было 4,5 млн. прихожан обоего пола, 5 771 приход и 12 341 духовное лицо).

В задачи Оренбургского магометанского духовного собрания входил контроль за содержанием мечетей и духовенства. Несколько мечетей содержалось за счет казны. Значительным событием в жизни мусульман явилось открытие 30 августа 1846 г. соборной мечети при башкирском Караван-сарае. Об этом красивейшем здании на Российском Востоке написано множество исследований. В строительстве комплекса попеременно принимали участие 7 181 башкир, и оно целиком финансировалось из так называемого «башкирского общественного капитала» и добровольных пощертований мусульман.

Ремонт, отопление, содержание каменных мечетей, возведенных согласно указу Екатерины II, а также мечети Караван-Сарай финансировало государство. Они служили символом веротерпимости империи, поэтому за ними обеспечивался надлежащий уход. Приходы считались престижными, к ним назначались в основном родственники и приближенные муфтиев. В 1826 г. недовольство мусульман г. Оренбурга вызвало назначение имамом соборной мечети сына муфтия Габдрауфа Габдрахимова. Сотни прихожан требовали удаления новоиспеченного имама. Только через год Духовное собрание официально утвердило его в должности, а потом присвоило ахунскую степень. Другой сын муфтия Ахмадий Габдусалянов в 1834 г. получил должность имама и ахуна при Уфимской соборной мечети.

Традицию назначения в центральные мечети своих детей продолжил муфтий Габдулахид Сулейманов. Его сын Шарафетдин Сулейманов (1823–1888) в 20-летнем возрасте стал имам-хатыбом и мударрисом Уфимской соборной мечети. В 1844 г., хотя мечеть не принадлежала к разряду казенных, имаму и муэдзину правительство определило жалование по 90 и 50 рублей. Шарафетдин Сулейманов более 40 лет служил сначала хатыбом, а с 1857 г. – ахуном. Одновременно исполнял богослужение и обряды в тюремном замке, гарнизонном батальоне, больнице, богоугодных заведениях. Ахун входил в когорту наиболее почитаемых мусульманских духовных служителей, был отмечен правительством двумя золотыми и одной серебряной медалями.

*Императорский указ
об утверждении в должности
муэдзина со званием имама*

Большинство мечетей строилось на деньги прихода. Мечети, возведенные на средства отдельных граждан, брались Духовным собранием на особый учет. Их перестройка, перенос, изменение фасада согласно канонам ислама производились только с согласия владельца. Особенно много спорных ситуаций возникло в 40-х гг. XIX в., когда по приказу военных властей происходило переселение части башкирских селений.

Состояние мечетей, имамов и муэдзинов было различным. В советской исторической литературе, да отчасти и в дореволюционной, бытовало стереотипное мнение о мусульманских духовных служителях как эксплуататорах, выкачивающих с прихожан деньги, съестные припасы и т. д. На самом деле мусульманское духовенство не могло представлять в имущественном плане нечто однородное, хотя бы из-за своей многочисленности. В середине XIX в. в Оренбургской губернии, по сведениям Духовного собрания, к указанному сословию принадлежало 7 143 человека, а по данным губернского правления — 8 044 человека. К началу XX в. в Уфимской губернии количество мусульманских духовных лиц с женами и детьми составляло 22–24 тыс., в Оренбургской губернии — 10 тыс. человек. На протяжении всего XIX в. к мусульманскому духовенству относилось 1,5–2 % населения, исповедующего ислам.

Несомненно, часть мусульманского духовенства была весьма состоятельной. Например, в 1862 г. самый большой табун в Башкирии в 700 голов принадлежал мулле Аллаберде Джиналину, кочующему по реке Ток Оренбургского уезда. Крупными табунами лошадей владели также имамы Верхнеуральского уезда Хусейн Кильдыбаев и Ималы Имангулов. Некоторые представители мусульманского духовенства отличались передовыми методами ведения хозяйства. Например, муэдзин д. Кучумово 2-го башкирского кантона Бакий Сейфуллин впервые в округе внедрил искусственное орошение полей, засевал нетрадиционные культуры, за что в 1862 г. был награжден серебряной медалью. В 1863 г. за успехи в огородничестве и пропаганду передовых методов ведения хозяйства был отмечен также имам д. Абзелилово Верхнеуральского уезда Зиятдин Абдулмазитов.

Большинство имамов и муэдзинов принадлежали к средним слоям общества. На территории края, особенно в земледельческих районах, значительная часть духовенства получала с прихожан налог закят гушр (закят ушр), представляющий десятую часть с урожая. Габдулвахид Сулейманов в послании в МВД от 15 сентября 1842 г. отмечал, что имамы и муэдзины, не получающие государственного жалованья, приравниваются к бедным и убогим. В уведомлении начальнику 7-го башкирского кантона религиозное учреждение под-

твердило, что «не возбраняется давать добровольно простолюдинам бедного состояния пожертвования закят гушр, но преимущественно следует давать приходским духовным лицам, хотя состояние имеющим, но не получающим от казны себе содержания».

Размер получаемого духовенством содержания зависел от состоятельности прихожан. В 1855 г. пристав З-го стана Белебеевского уезда писал о духовных лицах, что они «от прихожан пользуются хлебом при времени уборки из 10 телег одну телегу и от 10 пудов пудовку, в общем мулла в год получает до 20 руб. сер.». В целом по Белебеевскому уезду средние доходы были гораздо ниже – 3,5 рубля серебром. Доходы мулл колебались и внутри приходов. Например, в д. Байкибашево Бирского уезда в 1863 г. имам Муфтахатдин Файзуллин получил от прихожан 10 пудов, а имам Низаметдин Файзуллин – 50 пудов хлеба. В д. Поддубово того же уезда Мухаметше Файзуллину прихожане дали 205 пудов хлеба.

Основная масса мусульманского духовенства не имела постоянного дохода от прихожан. Например, в 1854 г. в Оренбургском уезде из 185 духовных лиц фиксированный денежный доход от прихожан имели 37 ахунов, имамов и муэдзинов. Во второй половине XIX в. стала встречаться практика взятия мусульманскими общинами обязательств по содержанию духовенства. Так, башкиры д. Кузебаево и Кунакбаево Никольского уезда Самарской губернии в 1881 г. приняли решение о назначении имаму Ярмухамеду Галиеву ежегодного жалованья в 100 рублей и выделении 20 десятин общественной земли.

Имамы и муэдзины получали от прихожан вознаграждение за совершение различных обрядов: за молитву над новорожденным младенцем, наречение имени и совершение бракосочетания, за молитвы во время похорон и после них на 7-й и 40-й день. Размер подношений сильно колебался. В 1 стане Челябинского уезда в 1854 г. имамы брали за регистрацию бракосочетания с каждого калымного рубля 2 копейки медью. В Уфимском уезде, по данным губернского правления, духовные лица получали «за молитву новорожденным по 3 коп., при погребении умерших вещами и деньгами до 20 коп., за бракосочетание, смотря по калыму, по 1 коп. с рубля серебром». Значительные пожертвования в пользу духовенства поступали в дни мусульманских праздников. В частности, в дни Курбан-байрама духовным лицам отдавали лучшую долю мяса жертвенных животных и их шкуры. В конце XIX в. вошли в практику пожертвования в пользу мечетей и имамов земельных участков.

Тем не менее, значительная часть мусульманского духовенства испытывала материальные трудности. В адрес ОМДС часто поступали жалобы от приходских имамов и муэдзинов. По просьбе Ду-

ховного собрания местные органы власти издавали циркулярные предписания о понуждении прихожан достойному содержанию своего духовенства.

Муфтии не могли инспектировать приходское духовенство. Еще в 1812 г. Мухамеджан Хусаинов просил главноуправляющего Департамента духовных дел иностранных исповеданий А. Н. Голицына «об испрошении ему Высочайшего дозволения отлучаться в разные губернии, где признает необходимым личное присутствие свое, для восстановления между магометанским духовенством надлежащего порядка», но получил отказ. В 1870 г. Н. А. Крыжановский с удовлетворением отмечал, что «Духовное собрание лишено всяких средств для личного наблюдения за подчиненными муллами, так как ни муфтий, ни заседатели не вправе совершать поездки для ревизии». Те или иные поездки муфтии совершали только с разрешения Министерства внутренних дел и губернаторов. Глава Духовного собрания не должен был выходить за рамки визита.

Муфтии Салимгарей Тевкелев и Мухамедьяр Султанов неоднократно обращались в Министерство внутренних дел с просьбой о полной свободе передвижения их по губерниям, где проживали мусульмане.

Передвижения ахунов, имамов и муэдзинов регулировало само религиозное учреждение. Этот вопрос поднял перед властями еще в 1804 г. муфтий Мухамеджан Хусаинов. Но тогда Оренбургское губернское правление, не желая усиливать административные полномочия Духовного собрания, отказалось ему. Глава Департамента духовных дел А. Н. Голицын, напротив, одобрил в 1812 г. предложения муфтия и просил всех губернаторов руководствоваться разработанными им положениями. В 1815 г. в своем обращении к министру юстиции Д. П. Трощинскому Мухамеджан Хусаинов обвинил оренбургскую администрацию в преднамеренных действиях по отвлечению имамов и муэдзинов из его ведомства. В результате настойчивости муфтия выдача разрешений духовным служителям на поездки полностью перешла в ведение религиозного учреждения. Надо сказать, что оно весьма строго подходило к этому вопросу. Например, в 1831 г. им был удален с должности муэдзина д. Юара 5-го башкирского кантона Ф. Суюндуков за ежегодные поездки на уборку урожая во 2-й башкирский кантон. В 1840 г. Духовное собрание вынесло строгие предупреждения ахунам д. Уразбахтино Уфимского уезда Абдулгалиму Юсупову и д. Балыклыкулево Стерлитамакского уезда Хуснутдину Жданову за самовольную поездку на похороны муфтия Габдессаляма Габдрахимова. Анализ прошений имамов и муэдзинов показывает, что целью многих поездок были встречи с духовными учителями. Ученики (мюриды) не пре-

рывали отношений после завершения учебы и регулярно посещали их. Поездки совершились для пополнения знаний, а также с целью переписки книг, которых тогда было явно недостаточно. Своеобразными центрами паломничества в XIX в. являлись г. Стерлитамак, с. Стерлибашево Стерлитамакского уезда, с. Каргала Оренбургского уезда. Нередко в эти центры приезжали и важные персоны. Осенью 1826 г. в с. Стерлибашево находился казахский хан Ширгази Айчукавов, который получил духовное наставление у имама Нигматуллы Биктимирова.

Духовное собрание держало под контролем путешествия ахуннов, имамов и муэдзинов в Мекку, Медину и Иерусалим (хадж). Главным критерием при выдаче разрешений на хадж было наличие в приходе имама, способного заменить путешественника. Местная администрация прежде всего обращала внимание на благонадежность путешественника. Из-за больших финансовых затрат число совершающих хадж было невелико. Обычно мусульманская община отправляла в путешествие одного-двух человек и при этом брала обязательство выплачивать за них налоги во время их отсутствия. Некоторые из путешественников не возвращались. Так, в 1823 г. остался в Стамбуле Мухаметша Кутлуахметов. В своем письме брату он просил оказать материальную помощь и сообщал о нахождении в Турции еще одного башкира-невозвращенца Абдуллы Гаишева.

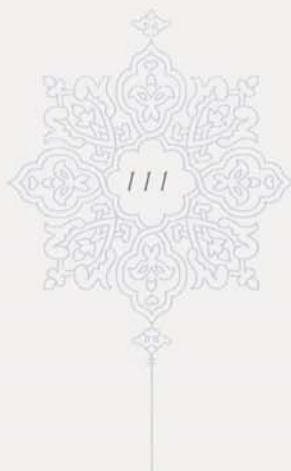
В отдельные периоды власти ограничивали совершение хаджа. В 1865–1866 гг. Н. А. Крыжановский отказывал всем желающим отправиться в путешествие по святым местам ислама, опасаясь, что процесс примет политический характер и большинство духовных служителей обратно в Россию не возвратится. В конце XIX в. правительство часто запрещало совершение хаджа из-за эпидемии чумы в Саудовской Аравии. Духовное собрание брало на себя объяснение мусульманскому обществу данной непопулярной меры. Чтобы инфекционные болезни не проникали на территорию России, правительство организовало для паломников в городах Феодосия и Батуми санитарные лагеря, что вызвало недовольство мусульман. Духовное собрание терпеливо внушало мусульманам необходимость выполнения процедур. В конце XIX в. порядок отпуска мусульманских духовных лиц вновь претерпел изменения. Согласно предписаниям Министерства внутренних дел от 6 февраля 1896 г. и Духовного собрания от 12 марта 1896 г. все отлучки мулл допускались только с разрешения губернских правлений.

РОЛЬ ОМДС В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАН

Регулирование семейно-брачных и имущественных отношений являлось основной функцией ОМДС. Уже 21 октября 1791 г. Духовное собрание направило во все наместнические правления письма о том, что берет под свой надзор разбор всех брачных и имущественных споров мусульман. Данный шаг поддержали башкирские депутаты Уложенной комиссии Амирхан Абызаев, Абдулжалил Султанов и др. В коллективном ходатайстве, направленном в сентябре 1793 г. Екатерине II, они просили, чтобы «дела, случающиеся между народом нашим, как о разделе оставшего после умерших имения между их наследниками, так и в рассуждении установленного между нами при бракосочетании обряда, а равно тому и прочие, ел едущие до рассмотрения духовного, повелеть разбирать мимо присутственных мест ахунам и прочим духовным начальникам по закону нашему, а не гражданским порядком». Уфимский наместник А. А. Пеутлинг одобрительно отнесся к обращению башкирских депутатов, так как полагал необходимым освободить гражданские судебные места «от великой тяжести и премножества вступающих таковых дел, которые кажется лучше и к большему удовольствию народов могут рассудить по закону их духовные особы». В то же время наместник предлагал разграничить функции гражданских и религиозных судей, а Духовному собранию придать функции апелляционного органа.

Раздел полномочий между губернскими учреждениями и Духовным собранием происходил трудно и медленно. Государственно-религиозное учреждение крайне болезненно относились к этому процессу. Многочисленные жалобы муфтия Мухамеджана Хусаинова в центральные органы власти — наглядное тому подтверждение. В 1802 г. оренбургский гражданский губернатор И. Г. Фризель в донесении к министру внутренних дел А. Куракину настаивал в разбирательстве всех дел гражданскими властями, прекратив разнообразие, когда губернскоеправление то разрешало Духовному собранию производить следствия и принимать решения, то запрещало.

В начале XIX в. вопрос о полномочиях Духовного собрания в решении гражданских споров мусульман неоднократно обсуждался центральными властями. В недрах Министерства духовных дел и народного просвещения был разработан проект о пределах власти религиозного учреждения в области гражданского права. В 1822 г. министр А. Н. Голицын представил его на широкое рассмотрение губернаторов, оренбургского и таврического правления и извест-

ных религиозных деятелей. В проекте обязанности имамов и ахунов строго разделялись. Первые выступали только в качестве примирителей тяжущихся сторон. Суд ахуна считался «решающим и не подлежащим дальнейшему рассмотрению, если их приговор согласен с магометанским учением».

Только основательная жалоба на те или иные действия ахунов в Духовное собрание вынуждала последнее дать свое заключение, которое уже не подлежало обжалованию. Министерство включило в документ права и обязанности простых граждан-мусульман. В частности, указывалось, что если жена уйдет от мужа произвольно без всяких причин, то подвергается наказанию, как бродяга. Дающие приют бродягам наказывались как пристанодержатели. В проекте закона был установлен иерархический принцип в наблюдении за муллами, ахунами и муфтиями.

Составители закона постарались, чтобы все его статьи строго соответствовали канонам шариата. В этом отношении обсуждавшие проект не выразили особых претензий. Таврическое магометанское духовное правление одобрило предложенный законопроект. Оренбургский муфтий Мухамеджан Хусаинов отказал в доверии заседателям представлять свои суждения. Оренбургский ахун Габдессалям Габдрахимов и каргалинский имам Габдрахман Мухаметширифов в письме МВД от 28 марта 1824 г. выступили против иерархического принципа в рассмотрении супружеских и имущественных споров. Они отметили, что подобные разбирательства по мусульманским традициям должны производиться исключительно ахунами, а муфтии и члены Духовного собрания имеют право пересматривать их решения.

Окончательную точку в рассмотрении проекта поставило заключение оренбургского гражданского губернатора Г. В. Нелидова, составленное на основе отзывов местных органов власти. В письме от 15 мая 1825 г. губернатор подчеркнул, что «магометанские чиновники, получив новую степень власти, обратятся не на пользу, а к всяческому угнетению своей паствы». Он считал, что разработанные правила стесняют простых жителей, особенно в разводах, заставляя пройти все преграды и испытать мытарства от духовных чиновников. Оценив проект закона как простое дополнение к Корану, усиливающее административную власть мулл, Г. В. Нелидов предложил все брачные и имущественные споры рассматривать только в гражданских судах. В результате «Правила о магометанских супружеских делах» были отклонены, что явилось очередным подтверждением приоритета гражданских властей в решении подобных дел.

Но уже с 1828 г., когда правительство по инициативе оренбургского вице-губернатора Н. Ханыкова приняло «Правила о магометанских метрических книгах», компетенция религиозных служителей и Духовного собрания по бракам, разводам и семейным тяжбам вновь признавалась главной. В метрических книгах, помимо записи дат рождения и смерти каждого прихожанина, имамы обязывались вносить имена супругов, родителей и свидетелей, время и главные условия бракосочетания, а также имя главного чиновника, совершившего бракосочетание. Кроме того, в них отмечалось расторжение браков, причины и основания разводов. Один экземпляр метрических книг посыпался в Духовное собрание, а другой обязательно находился в мечети. После введения метрических книг государственно-религиозное учреждение приобрело статус нотариальной конторы, куда граждане и официальные учреждения обращались по поводу подтверждения дат рождения, смерти, браков, разводов и т. д. В 1842 г. командование Башкиро-мештерякского войска попыталось перевести семейно-брачные дела в компетенцию гражданских или военных властей. Генерал-губернатор В. А. Петровский, признав, что это запутает делопроизводство, отказался пойти на такой шаг.

Инструкция по порядку совершения браков и разводов для приходского духовенства была составлена муфтием Габдулвахидом Сулеймановым. Его фетва от 29 января 1841 г. была обязательна для исполнения всеми ахунами и имамами и сохраняла силу закона до Октября 1917 г.

В исторической литературе принято различать махр и калым. Калым выступает как пережиток древних обычаяев, сохранившийся у многих народов, принявших ислам. Духовное собрание и подведомственные ему ахуны и имамы в правоприменительной практике использовали термины «калым» и «махр» как тождественные.

В конце XIX в. Духовное собрание, планируя ввести дифференцированный налог на брак, подсчитало, что в среднем ежегодно на подведомственных ему территориях заключается 20 тыс. браков. Причем при 5 тыс. браках (25 % от общего числа) уплачивается калым от 3 до 60 рублей, при 10 тыс. браков (50 %) – от 60 до 150 рублей. Духовное собрание принимало самое непосредственное участие в устраниении малолетних браков. Само Духовное собрание в отношении к оренбургскому губернскому прокурору от 3 января 1861 г. придерживалось мнения, что на основании книг «Тахтава» и «Мухтасаф» у мужчин и женщин «в 15 лет наступают совершенные лета, поэтому в этом возрасте должно быть разрешено им вступать в брак». Ранние браки были характерны не только

для мусульман. Например, в Тамбовской губернии отцы сосватывали своих детей в малолетнем возрасте, в 12–14 лет устраивали действительную свадьбу, а в 15 лет мужа и жену сводили к семейной жизни. У карел нередко 13-летняя девушка выходила замуж за 15-летнего парня.

По указу императора Николая I от 1 марта 1835 г., возраст полной брачной правоспособности для юношей наступал с 18 лет, для девушек – с 15 лет. Приходские имамы обязывались не только проверять ревизские сказки, но и опрашивать правоспособных свидетелей. Тем не менее браки малолетних были. В постановлении религиозного учреждения от 12 февраля 1852 г. указано, что «нередко ... будущие зятья, условившись с родителями невесты, отдавая калым без венчания, бывают допущены последними в свои дома, почему и впадают с будущими женами в блуд, каковыми пользуются до венчания год и более, а местное духовенство, зная это, равнодушно».

21 июня 1849 г. Николай I утвердил решение Государственно-го совета о наказании мулл за совершение ранних бракосочетаний тюремным заключением до 6 месяцев. Духовное собрание, усердно выполняя данное предписание, в 1852 г. постановило удалить с должности и заключить в тюрьму нарушителя закона муэдзина д. Азикеево Уфимского уезда А. Абдулгафарова. МВД несколько охладил пыл Духовного собрания, отменив его решение, так как по закону требовалось произвести следствие гражданским судом. В 1861 г. по Башкиро-мецхерякскому войску за совершение ранних браков были отстранены 6 имамов.

Важным элементом брачного обряда мусульман было взаимное согласие вступающих в брак.

В соответствии с указаниями правительства Духовное собрание в своих постановлениях стремилось убедить имамов не допускать насилистенных браков. В правилах от 29 января 1841 г. особо оговаривалось, что «имамы при совершении браков о согласии невесты на брак не должны верить словам одних лишь валиев, а обязаны удостовериться через особых правоспособных свидетелей, которые о согласии невесты должны свидетельствовать тут же на месте брачного акта, и только после этого должны приступить к совершению брака». Валиям запрещалось принуждать к браку несовершеннолетних. В инструкции предписывалось узнавать о желании невесты опосредованно, через вакиля и свидетелей. Практически аналогичное предписание содержится в фетве Габдулвахида Сулейманова от 17 октября 1851 г. В ней также подчеркивалось, что главная роль при совершении браков отводится валиям, но невеста всегда имеет право выразить свое согласие или несогласие публично. Духовному

лицу разрешалось оформлять свой брак без приглашения другого имама, только с согласия валия невесты (отца или воспитателя) и не иначе как при свидетелях. Интересно, что Духовное собрание не устанавливало меру ответственности за уклонение от вышеперечисленных норм. Оно указывало, что «за совершение закята без бытности имама и свидетелей никакого взыскания не определяется, а только признается он недействительным». Вновь подтверждалось об обязательности подписей валиев и свидетелей в метрических книгах. Фетва Духовного собрания от 18 марта 1885 г. вновь признавала главную роль при мусульманском браке представителя со стороны невесты, в функцию которого входило «проследить за тем, чтобы жених соответствовал во всех качествах».

В практике государственно-религиозного учреждения разбирательства по насильтенным бракам встречались очень часто. Нередко такие браки сопровождались жестокостями. Так, в 1823 г. в д. Яманлич Красноуфимского уезда Пермской губернии Х. Ямансарова была схвачена односельчанином Мухамедьяром Тляккабуловым и Феррахом Губейдуллиным и заперта в хлебную клеть с последним — 12 дней девушку побоями принуждали к браку. В избиении участвовал и ахун Гадильша Ханыбеков. Потерпевшая обратилась с жалобами к царю. Духовное собрание и Красноуфимский земский суд доказали вину ахуна.

В системе Духовного собрания наказания имамов за насильтственные браки были минимальными. Например, в 1847 г. за подобный неправомерный поступок Духовное собрание лишило звание ахуна А. Сеитбурханова из д. Учкулево Челябинского уезда. В 1855 г. звание было возвращено, причем указ гласил, что «ахун виновен лишь в насильтенном бракосочетании несовершеннолетней девушки».

Лица, выступавшие в качестве свидетелей незаконных браков, несли наказание более серьезное, чем валии и муллы. Например, имам соборной мечети д. Смаково 8-го башкирского кантона Хусейн Исмагилов за регистрацию брака малолетних в 1852 г. был переведен в рядовые башкиры без выслуги лет, а три лжесвидетеля — С. Акаев, Л. Алкин и Р. Кувандыков — содержались несколько месяцев на хлебе и воде при юртовой квартире.

Духовное собрание рассматривало обращения женщин, жалующихся на родителей, принуждавших их к вступлению в брак с нелюбимыми. Конечно же, только малая часть девушек-невест пользовалась правом подачи апелляции в Духовное собрание и добивалась выхода замуж по желанию. Особенно часто встречалась ситуация, когда девушки, просватанные еще в малолетнем возрасте, по до-

стижении брачной правоспособности отказывались выйти замуж. Так, дочь Ахтяма Утаева Зулейха из д. Сибаево Верхнеуральского уезда в 1830 г. была просватана за чиновника 14-го класса Ядмира Чураманова. В своем обращении в религиозное учреждение в 1843 г. Зулейха писала: «Ныне нареченный требует выхода замуж ... но он имеет преклонные лета, отчего я могу встретить для себя самое гибельное положение». По предписанию Духовного собрания Зулейха Ахтямова смогла выйти замуж за избранного жениха Хужаахмета Галина. Подобно Зулейхе Ахметовой поступила и дочь уфимского мещанина Ушияра Зубаирова Марьям. В 1857 г. она по-просила защиты Духовного собрания от отца, пожелавшего выдать ее за нелюбимого человека. Марьям и ее избранник ясачный татарин д. Арасланово Салимгарей Ибрагимов побывали на приеме у муфтия. Согласно постановлению Духовного собрания от 29 апреля 1857 г., имам соборной мечети Шарафутдин Сулейманов произвел над ними обряд бракосочетания.

Как известно, шариат разрешает каждому мужчине иметь до 4 жен. Многоженство получило распространение в основном среди состоятельных слоев мусульманского общества. По подсчетам А. З. Асфандиярова, в начале XIX в. в скотоводческих районах Башкирии многобрачные семьи составляли 21,1 %, а в земледельческих районах – 10,4 % от общего количества. Многоженство отчасти регулировалось Оренбургским магометанским духовным собранием. В постановлении учреждения от 29 января 1841 г. 18-й пункт содержал следующие требования: «Начальники башкирского или другого казачьего сословия жениху дают удостоверение в том, что он для вступления в брак со второю супругой имеет причины, содержать жен может безукоризненно и справедливо, и что первую жену не обижал. По получении такого удостоверения имамы должны совершать браки запискою в метрики».

Видимо, данное указание исполнялось далеко не всеми имамами и старшинами. В 1847 г. начальник 3-го башкирского кантона Шадринского уезда писал в Духовное собрание, что башкиры и мещерики не выполняют предписания властей о повторных браках и между несовершеннолетними из-за тяги к соблюдению старых обычаев. По утверждению самого религиозного учреждения, в период передачи башкир и мишарей из военного управления в гражданское «приходские муллы начали совершать браки вопреки существовавшему порядку без разрешения местной власти, а это может подвергать большую часть башкир в бедность, даже в нищету». Поправки отмены в 1865 г. кантонной системы управления разрешитель-

ные функции на совершение повторного или третьего брака были переданы Духовным собранием в ведение волостных правлений.

Большие трудности были у Духовного собрания с регулированием межэтнических браков. Долгое время действовал указ от 1747 г. о запрещении взаимных браков между башкирами, татарами и казахами. Местные власти открыто признавали, что данный указ муллами фактически не соблюдался. В 40-х гг. XIX в. ограничения на межэтнические браки внутри мусульманского общества были признаны правительством как утратившие свою силу.

Другой важной проблемой для властей являлись участившиеся случаи браков мусульман с язычницами. Как известно, по шариату они строго запрещены, если жена или муж остаются в прежней вере. В 30-х гг. XIX в. язычница марийка из тептярей Тимбике Тимербаева вышла замуж за мусульманина тептяря д. Трежаново Бирского уезда Мендиара Павлова. Пермская палата уголовного суда признала брак неправомерным и расторгла его. Имам Габдулгариф Галин за регистрацию брака и способствование «совращению» Тимбике Тимербаевой в ислам лишился духовного звания и получил наказание в виде ударов батогами. В 1848 г. Министерство внутренних дел по частному прошению удмуртки Абдулнасыровой приняло постановление о допущении браков мусульман с язычницами. Такие браки должны были записываться в метрические книги.

В 50-х гг. власти вернулись к обсуждению данного вопроса. Ознакомившись с докладом оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского и обер-прокурора Святейшего синода за 1858 г., в котором поднималась проблема «совращения» язычников в мусульмане, Александр II приказал принять действенные меры. На основе предписания императора оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак издал инструкцию о браках язычников с мусульманами. Она повсеместно не выполнялась. В 1865 г. по разрешению Оренбургского магометанского духовного собрания и Министерства внутренних дел был совершен брак башкира Минлибаева с удмурткой Магрифой Сайфутдиновой. Заведующий башкирами и гражданский губернатор опротестовали постановление. В своем обращении к центральным властям они отмечали, что «язычница, вступая в брак с магометанином, неизбежно примет магометанство, что существующим узаконением строго воспрещено и будет вредить пропаганде правительства». Департамент духовных дел иностранных исповеданий выразил сомнения в целесообразности жестких ограничительных мер. Однако оренбургский генерал-губернатор А. Н. Крыжановский в письме от 8 июля 1866 г. убедил МВД в том, что «строгие меры помогают сдерживать наступление

магометанства». В результате всем губернаторам были разосланы предупреждения о недопустимости смешанных браков.

Но жизнь брала свое. В 1881 г. Уфимское губернское правление, разрешив по частному прошению брак мусульманина с язычницей, создало новый прецедент. Руководствуясь этим предписанием, Оренбургское магометанское духовное собрание только 12 января 1887 г. велело зарегистрировать 5 браков башкир с марийками. Циркуляром от 27 января 1887 г. оно разъяснило всем подведомственным ахунам и муллам о беспрепятственном совершении бракосочетаний язычниц с мусульманами. В октябре 1888 г. по ходатайству миссионеров Русской православной церкви Министерство внутренних дел отменило указанное постановление. Под их давлением религиозное учреждение 14 января 1889 г. приняло постановление, запрещающее смешанные браки. Разноречивые указания властей и Духовного собрания в течение короткого времени запутали мусульманское духовенство. МВД в предписании от 16 октября 1891 г. ответило, что ахуны и имамы не соблюдают вышеуказанное постановление. Поэтому 9 января 1892 г. Собрание вновь издало циркуляр о запрещении браков мусульман с язычницами.

ОМДС в своих циркулярах касалось и церемониальной стороны брака. В фетве от 30 сентября 1886 г. категорически запрещалось исполнение музыки и танцев на свадьбах. Исламу и его институтам не удалось полностью вытеснить традиционные свадебные обряды у башкир, татар и казахов.

Духовному собранию принадлежала прерогатива по вынесению окончательных постановлений по разводам мусульман. Например, в 1856 г. им было принято 64 таких решения (25 % от всех постановлений Духовного собрания). В kraе разводы среди мусульман были довольно распространены. Так, в 1867 г. в Оренбургской губернии на 3 539 мусульманских браков приходилось 312 разводов (8,95 % от всех браков), а в Уфимской губернии на 9 616 браков — 1 157 разводов (11 %). Уровень разводов в городах был выше, чем в сельской местности. В частности, в Оренбурге в 1867 г. на 29 браков приходилось 18 разводов, в Орске на 10 браков — 5 разводов. В последующем процентное соотношение разводов по отношению к бракам сохранилось примерно на том же уровне.

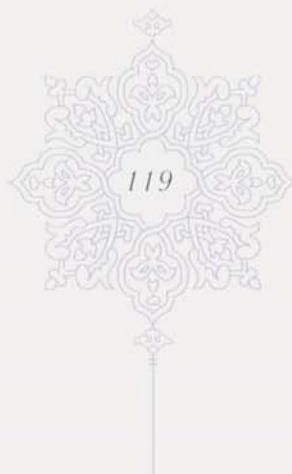
Интересно, что примерно в то же время в Оренбургское магометанское духовное собрание поступило письмо от имама д. Новое-Татарское Ново-Адамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии А. Богданова, в котором он излагал собственные взгляды на упорядочение семейно-брачных отношений среди мусульман. Если при заключении браков, по мнению имама, поря-

док в основном соблюдался, то при разводах открывались возможности для «тиrании». Имам имел ввиду довольно-таки распространенную практику, когда муж побоями заставлял жену отказаться от права на калым при разводе, а также неурегулированность вопроса расторжения брачных отношений при долгом отсутствии мужа (например, продолжительном прохождении воинской службы вдали от дома). Предложения А. Богданова сводились к строгой регламентации процедуры развода: «как бы ни был справедлив шариат, но вводится он лишь с помощью духовенства и духовного учреждения». В частности, если муж призывался на воинскую службу или удалялся надолго из места жительства, жена получала возможность потребовать развода в присутствии имама и свидетелей. Особо тщательно оговаривались обвинения жен в побоях, причинении телесных повреждениях со стороны супругов. Срок рассмотрения таких жалоб устанавливался три недели, причем кроме предоставления свидетелей представитель (валий) жены должен был рассказать о случившемся после окончания пятничного богослужения не только имаму, но и приходу. Это делалось с целью гласности процедуры, чтобы исключить сговор между имамом и обвиняемым. В течение вышеуказанного срока за последним оставалось право принести извинения жене и остановить развод.

Интересным было предложение А. Богданова о необходимости усиления функций Духовного собрания по контролю над повторными браками. «При желании кого-либо взять другую жену, — писал он, — имам должен испросить у Духовного собрания разрешение на совершение брака, объяснив о нравственных качествах и средствах жениха к существованию, а также о уважительных причинах взять другую жену, вроде болезни, старости лет и безнравственности жены».

Религиозное учреждение в ряде постановлений определило организационную сторону разводов. С 1829 г. имамы обязывались записывать все разводы в метрические книги с взятием подписи от участвующих сторон и свидетелей. Первоначальной задачей духовных лиц являлось примирение супругов. Иногда это удавалось. С супругов брали подпись о прекращении взаимных претензий. Муж и жена, свидетели и приходской имам подписывались также в метрических книгах. Аналогично рассматривались жалобы жен на побои мужей. В таких случаях имамы производили разбирательство с привлечением свидетелей. В его письме от 1840 г. в МВД дел подчеркнуто, что «по магометанскому закону мужьям не дозволено чинить своим женам побои до кровавления тела

и изломания кости, кто сие учинит, тот должен подвергнуться за это телесному наказанию».

Как уже отмечалось выше, большинство разводов происходило по инициативе женщин (хлюг). В 1893 г. в представлении в Министерство юстиции Духовное собрание указывало, что оно расторгает брак по ходатайству жены в тех случаях, когда будет доказано: 1) что муж не способен к исполнению супружеских обязанностей, 2) что муж сумасшедший и это имеет опасные последствия для жены, 3) что муж неизлечимо болен поражениями полового органа или проказой, 4) что жена лишена самого необходимого ежедневного пропитания. В подобных случаях Духовному собранию приходилось обращаться в медицинские учреждения.

В начале века Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения опубликовала проект реформирования семейственного права. Согласно 161 статье указанного проекта дела о расторжении брака магометан подлежали ведению гражданских судов. Редакционная комиссия признала необходимым включить в новое Гражданское уложение все те правила о браках мусульман, которые уже содержались в гражданском и мусульманском праве. При этом комиссия придерживалась мнения, что это сделает их доступными для всего населения.

В проекте Комиссии поводы для расторжения мусульманских браков перечислялись в 163 и 194 статьях, а именно: безвестное отсутствие, лишение всех прав состояния, посягательство на жизнь, нарушение супружеской верности, неспособность к супружескому сожитию, неизлечимая прилипчивая болезнь и неизлечимая душевная болезнь.

Проект Комиссии оставлял в компетенции мусульманских духовных судов расторжение браков по взаимному согласию супругов. Причем Комиссия объясняла это знанием мусульманского духовенства семейного быта своих единоверцев и возможностями склонить разводящихся к примирению.

Передача брачных дел мусульман в гражданское судопроизводство была необходимой, считала Комиссия, из-за разнообразия норм действующего брачного права у мусульман на различных территориях, подведомственности мусульман в делах брачных и бракоразводных непосредственно в последней инстанции светской власти, а не духовенству, противоречий между светским и религиозным законодательством в делах о разводах.

Ознакомление с проектом вызвало у верхушки мусульманского общества стремление защитить существующую систему подведомственности брачно-разводных дел. 39 авторитетных мусульманских

предпринимателей, собравшихся на Нижегородской ярмарке в августе 1903 г., написали обстоятельную петицию в ОМДС для последующего представления в МВД.

Мусульманские предприниматели призывали Духовное собрание принять деятельное участие в предстоящей реформе и предупреждали о негативной реакции мусульманского населения на предстоящие изменения. Оптимальным вариантом выглядела подача ОМДС петиции в МВД о сохранении прежней системы мусульманского судопроизводства или получение разрешения на образование специальной комиссии при учреждении для разработки предложений в проект Гражданского уложения.

В 1908 г. Министерство юстиции внесло на обсуждение Государственной думы законопроект, по которому разводы по причине нарушения супружеской верности и импотенции переходили введение светских судов. Вначале предполагалось введение данного положения только по отношению к православным, но потом победило мнение об одинаковом подходе ко всем категориям российских граждан вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. В более смягченном варианте проекта предусматривалось, что расследования по поводу супружеских измен и половой несостоенности будут проводить светские суды, а окончательные постановления останутся в компетенции духовных учреждений. Муфтий Мухамедъяр Султанов, посоветовавшись с заседателями, а также некоторыми авторитетными религиозными деятелями, резко отрицательно высказался о предполагаемых нововведениях. Он отмечал чрезвычайную важность процедурных вопросов в мусульманском правоведении. В связи с этим постановления Духовного собрания, принятые на основе разбирательств, произведенных людьми, не знающими шариат, будут незаконны с точки зрения каждого мусульманина.

ОМДС занималось регулированием имущественных отношений мусульман. Так, из 751 дела, рассмотренного в религиозном учреждении в 1865–1868 гг., 84 (11 %) касались раздела имущества, причем из них только 12 получили окончательное разрешение в течение двухгодичного разбирательства. Это объяснялось сложностью разбираемых дел, неоднократным их пересмотром, долгой перепиской с различными инстанциями и другими причинами. Главная роль в разделе имущества принадлежала приходскому духовенству, причем по действующему законодательству у мусульман всегда существовала альтернатива обращения в гражданские суды. Комиссия, проверявшая в 1869 г. работу Духовного собрания, отмечала, что «случаи отказа от разбирательства по законам религиозным чрез-

вычайно редки, так как подобный отказ считается у мусульман как бы отступлением от веры». Параллельное существование и функционирование различных по происхождению норм наследования и раздела семейного имущества приводило к постоянным спорам между заинтересованными ведомствами. В феврале 1846 г. Оренбургская палата государственных имуществ выразила недовольство тем, что решения нижних расправ, имамов и Духовного собрания по имущественным спорам почти никогда не совпадали. Причем после заключения Духовного собрания постановления нижних расправ уничтожались. Управляющий палатой И. Строков предлагал, чтобы все дела по государственным крестьянам находились под контролем окружного управления палаты государственных имуществ. Духовное собрание высказалось свое негативное отношение к предложениям И. Строкова, ссылаясь на то, что одному государственному учреждению не позволяет вмешиваться в дела другого, равного по статусу. Более того, муфтий и заседатели предписали всем мусульманам вне зависимости от сословной принадлежности обращаться по религиозным вопросам только в Духовное собрание.

Раздел имущества по законам шариата происходил только с согласия спорящих сторон. Они имели право обжаловать приговор духовного лица. В таком случае Духовное собрание принимало решение по своему усмотрению.

В конце XIX в. Духовное собрание подготовило несколько инструкций по разделу наследуемого имущества. Инструкция муфтия Мухамедьяра Султанова от 22 июля 1893 г. устанавливала, что раздел наследства имамы обязаны производить на основе ревоятов книги «Фараиз». На раздел по канонам шариата должны были дать согласие все наследники и свидетели. После проведенного раздела стороны могли оспаривать действия имама в Духовном собрании и гражданском суде, однако последний должен был руководствоваться только мусульманскими законами. Акт, подписанный наследниками и свидетелями, заверялся у нотариуса, в суде или волостном правлении. Когда в качестве наследников выступали лица несовершеннолетнего возраста, раздельный акт представлялся на одобрение наблюдающего за опекунами учреждения: у крестьян и башкир — сельского схода, у мещан, купцов и чиновников — сиротского суда, у дворян — дворянской опеки. Этим обязанности имама по разделу имущества заканчивались.

РОЛЬ ОМДС В РАЗВИТИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ. ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

При учреждении ОМДС правительство рассчитывало, что оно будет своеобразным посредником между государством и мусульманским населением в области просвещения. Хотя это не получило законодательного оформления, мусульманские школы (мектебы и медресе) попали под юрисдикцию Духовного собрания. Да оно и само 24 октября 1817 г. было включено в состав Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1832 г. религиозное учреждение подчинили Министерству внутренних дел. Тем не менее влияние Собрания сохранилось. В руках муфтия и его помощника находился такой мощный инструмент, как определение учительского контингента мусульманских учебных заведений. Путем испытания Духовное собрание присваивало учительские звания. Самым высшим званием считался мударрис — заведующий медресе, старший учитель. Вторым по рангу шел мугаллим — учитель. Низшим являлось звание мугаллим-сабияна — учителя малолетних детей. Звание мударриса присваивалось только имамам, а мугаллином и мугаллим-сабияном могли стать и муэдзины. Следует отметить, что на учительские должности назначались и люди, не имевшие духовных должностей.

В ведомстве Оренбургского магометанского духовного собрания находились школы грамотности — мектебы и традиционные высшие школы ислама — медресе. В начале XIX в. в крае насчитывалось около 100 башкирских и татарских школ. Учительские звания носили 1 921 человек, но сколько из них учили детей, сказать трудно. Не все имевшие звания занимались обучением прихожан. В 1856 г. в Оренбургской губернии действовало 418 мектебов и медресе, 88 человек носили высшую педагогическую степень мударриса. На втором месте по числу учебных заведений (125) и мударрисов (88) была Казанская губерния. Всего в ведении Духовного собрания находилось 936 медресе и 260 мударрисов. В последующее десятилетие число мусульманских учебных заведений в Оренбургской губернии возросло до 570, а число мударрисов значительно снизилось (76). Уменьшение количества лиц, носящих высшую педагогическую степень, объяснялось тем, что Духовное собрание стало присваивать ее только тем, кто заведовал медресе. В конце XIX в. в Уфимской и Оренбургской губерниях функционировало около 1 900 мектебов и медресе.

В большинстве учебных заведений обучение носило религиозно-схоластический характер. Ученики (шакирды) в основном обучались арабскому алфавиту и правильному чтению Корана. Безусловно, узкая задача мектебов и медресе — подготовка религиозных кадров — не отвечала потребностям развивающегося общества. Это осознавали и представители высшего мусульманского духовенства. В 1818 г. муфтий Мухамеджан Хусаинов представил министру просвещения доклад, в котором предложил провести кардинальную реформу мусульманского образования. По его словам, в существующих школах «преподаваемое (имамами — Д. А.) юношеству учение не только бывает продолжительно, но и по различности мыслей и вкушению со стороны учителей очень мало соответствует совершенно здравому смыслу». Мухамеджан Хусаинов считал необходимым учредить 2 мусульманских училища: в Казани при университете и в Оренбурге при военном губернаторе. В этих училищах студенты должны были изучать широкий спектр европейских наук и языков, чтобы после окончания их могли свободно поступать в университеты. Муфтий рассчитывал привлечь в училища не только татар и башкир, но и детей соседних азиатских народов. Он считал нужным осуществлять финансирование училищ из суммы, предполагаемой на учреждение Оренбургского Неплюевского училища, а также надеялся на щедрые пожертвования мусульман. Мухамеджан Хусаинов просил предоставить ему право накладывать штрафы на согрешивших мусульман, что позволило бы направлять средства на образовательные учреждения различного уровня. Муфтий выражал готовность передать в новообразованные училища свою обширную библиотеку. Для координации всех мусульманских учебных заведений Мухамеджан Хусаинов предложил учредить специальный училищный департамент, во главе которого должен был стоять муфтий. Первоначально проект был восторженно встречен министром просвещения А. И. Голицыным и экспертами в лице профессора Казанского университета П. Кондырева и титулярного советника Н. Романова. П. Кондырев считал, что осуществление плана Мухамеджана Хусаинова навсегда оставит его имя в сердцах мусульман Российской империи. Но намерения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого превратить эти школы в православные миссионерские центры смущили муфтия Мухамеджана Хусаинова. Он фактически отстранился от дальнейшей разработки проекта, отказался от встреч с экспертами, и процесс учреждения учебных заведений нового типа вначале приостановился, а затем и вообще

прекратился. Другой проект новой мусульманской школы был составлен чистопольским купцом Сагитбурхановым в 1820 г. Автор предполагал учредить образцовое медресе, где, кроме основ ислама, должны были изучаться татарский, русский и арабский языки, история Востока и России, математика, физика и география. Подобные прошения гражданские учреждения рассматривали как свидетельство того, что среди мусульман уже в начале XIX в. имелась группа людей, правда немногочисленная, осознающая необходимость серьезных реформ в образовательной сфере.

Во второй половине XIX в. в деятельности учебных заведений произошли значительные изменения. В Уфимской губернии авторитетными учебными заведениями по-прежнему считались медресе в г. Стерлитамаке, в деревнях Стерлибаш, Кишки, Кармаскалы, Чишмы, Чуюнчи, Тазлар, Старый Чокыр, Утяш, Сафар, в Оренбургской губернии — медресе в Сейтовском посаде (Каргала), в деревнях Нижние Чебеньки, Юлук, Ахун, Медиак.

В стерлибашевском медресе (Стерлитамакский уезд), которое на протяжении многих десятилетий возглавлял Х. Биктимиров, ежегодно обучалось около 600 шакирдов. Влияние медресе и преподававших там представителей семейства Тукаевых на население было столь велико, что генерал-губернатор Н. А. Крыжановский считал Стерлибашево мусульманским центром края, притягивающим не только башкир и татар, но и казахов и киргиз. Здесь в 1869 г. одним из первых в крае начали постигать русский язык. Известный поэт и мугаллим Шамседдин Заки (1825—1865) знакомил учащихся с основами философии. В медресе г. Стерлитамака отец и сын Шарафетдин и Камалетдин Ногаевы также внедрили в учебный процесс светские предметы. В медресе д. Балыклыкулево Стерлитамакского уезда ахун и мударрис Хуснутдин Жданов, негативно относившийся к застывшим формам обучения, знакомил учащихся с богатой поэзией Востока. Были и другие медресе, где преподавание не ограничивалось богословскими дисциплинами.

Само Духовное собрание неоднократно заявляло, что не имеет отношения к частным медресе, но занималось ими. Так, проанализировав в 1873 г. ситуацию в связи с наплывом большого количества желающих заниматься в стерлитамакском и стерлибашевском медресе, оно увеличило их штат. В первое медресе дополнительно мударрисом был назначен Габдрахман Ногаев, во второе — Губайдулла Тукаев. В 1840—1853 гг. Духовное собрание разбирало неправомерные действия ахуна М. Рамеева, отдавшего

в найм на постой дома для бедных учеников, в свое время пожертвованные стерлитамакским купцом Рахматуллой Кадыровым. За неблаговидный поступок ахун был удален с должности. В 1868 г., когда здание Кузекеевского медресе (Мензелинский уезд) было незаконно занято волостным правлением, религиозное учреждение выступило с протестом. Этот дом, где ежегодно обучалось 40 и более татарских и башкирских мальчиков, был на собственные средства выстроен жителями деревни. Разбирательство тянулось несколько лет, результат его неизвестен. В 1872 г. Духовное собрание вновь просило наказать виновных за самовольный захват помещения медресе.

Духовное собрание рассматривало и другие дела, связанные с медресе. Так, в 1858 г. оно осудило решение попечителя 4-го попечительства подполковника Е. Максимовича о роспуске всех учеников старше 17 лет из медресе д. Альметово Челябинского уезда и обратилось к командующему Башкиро-мештерякским войском с просьбой отменить это решение.

С 60-х гг. XIX в. правительство стало уделять большее внимание мусульманским учебным заведениям. Видимо, этим объяснялись различные инициативы оренбургского генерал-губернатора, стремившегося подорвать влияние ислама на население края. Во всеподданнейшем отчете за 1867 г. он предложил все магометанские школы описать и зарегистрировать, наблюдение за ними поручить мировым посредникам, а новые школы открывать только с разрешения губернаторов. Н. А. Крыжановский считал вредным существовавший план открытия высшего медресе, в котором готовились бы высшие религиозные кадры.

Однако правительство избрало другой путь. Активизация его политики по отношению к мусульманским учебным заведениям началась с принятием 26 марта 1870 г. правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». В нем предусматривалось создание государственных «инородческих» школ и открытие при мектебах и медресе русских классов. Регистрация новых учебных заведений позволялась только при наличии учителей русского языка, находящихся на содержании самих мусульманских обществ. Для желающих занять духовные и светские должности был установлен образовательный ценз в объеме учебного курса русских училищ или русско-башкирских и русско-татарских школ. Надзор за школами нерусских народов возлагался на инспекторов народных училищ.

При реализации данного указа правительственные учреждения натолкнулись на активное сопротивление мусульманского духовенства. Агитация против русско-башкирских и русско-татарских школ была настолько сильна, что в феврале 1873 г. муфтий Салимгарей Тевкелев обратился с фетвой ко всем ахунам и имамам. Он писал о выгоде всякого знания, тем более русского языка, который необходим для всех мусульман. «Как ты попросишь хлеба у русского, если не знаешь по-русски? Как ты попросишь милости, как будешь защищаться в суде, как попросишь снисхождения во взыскании, внимания к селу, к делу, к земле своей, к податям и повинностям, ежели не знаешь языка, на котором совершаются суд, решающий участь человека, управления края, на котором пишутся указания, правила к твоему благосостоянию, довольству, облегчению?» — воскликнул муфтий. Он призвал ахунов провести среди мусульман разъяснительную работу в пользу изучения государственного языка.

Фетва Салимгара Тевкелева вызвала противоречивые чувства среди мусульманского духовенства. Например, 13 апреля 1873 г. имамы г. Троицка Мухаметшариф Абдуллатифов, Мухаммет Мухаметгарифов, Шарафутдин Магадеев и Мухаммет Закиров прошли муфтия выпустить указ «о непринуждении их к обязательному обучению детей их русскому языку». Объясняя свою позицию по языковому вопросу, муфтий отвечал: «Это мое духовное

Свидетельство
на знание русского языка

наставление не заключает в себе ничего обязательного для прихожан, как только разъясняет пользу знания русской грамоты, которая не может служить препятствием к изучению татарской грамоты и догматов религии, что составляет первейшую обязанность для мусульман». В то же время муфтий опубликовал в центральных газетах статьи, призывающие христианские миссии не публиковать в печати, что «обучение русскому языку есть верный путь к обращению магометан в христианство». Он утверждал, что мусульмане достаточно информированы, читают русские газеты, а вышеупомянутые заявления попросту тормозят внедрение русского языка. Духовное собрание стремилось к тому, чтобы во всех учебных заведениях, где обучались дети мусульман, обязательно преподавалось вероучение. Данная практика началась в 50-х гг. XIX в. по инициативе командующего Башкиро-мештерякским войском полковника Е. Синбугина. Его предложение о выплате штатных пособий мусульманским богословам не получило отклика у генерал-губернатора А. П. Катенина, поэтому оплата производилась самими башкирами и мишарями путем добровольных взносов. Исламское вероучение преподавалось в 9 уездных училищах Оренбургской губернии. С 1865 г. этот предмет был введен также в училищах Уфимской губернии.

В 50–60-х гг. в крае открылся ряд мусульманских женских школ с обучением русскому языку, арифметике, огородничеству и садоводству. Чтобы не вызвать у населения недовольства нововведением, местная администрация привлекла к агитационной работе самых популярных религиозных служителей: стерлитамакского ахуна К. Шарафетдина, стерлибашевского ахуна Х. Нигматуллина и сеиткуловского имама Х. Нигматуллина. В башкирских и татарских женских школах в штат обязательно входили муллы — преподаватели богословия

В некоторых училищах и гимназиях имамы, преподававшие основы религии, пользовались значительным влиянием на учеников. Для усиления контроля над учебным и воспитательным процессом Министерство народного просвещения в 1872 г. потребовало от учителей религии в гимназиях и училищах, чтобы «преподавание закона божьего магометанского вероучения производимо было по книгам на татарском языке, но все объяснения на уроках должны быть на русском языке». Согласно этому распоряжению директор училищ Уфимской губернии в ноябре 1872 г. предложил муфтию уволить из Уфимской гимназии и училища А. Рахманкулова, не

знающего русский язык, и назначить вместо него Шарафетдина Сулейманова.

Муфтий Салимгарей Тевкелев признавал большое влияние религиозного учреждения на воспитанников учительской школы, но видел в этом только положительные моменты. В 1876 г. попечитель Оренбургского учебного округа Л. Лавровский, проинспектировав школу, пришел к выводу, что «прискорбно и тяжело видеть, как-будто с расчетом все в учительской школе организовалось с преимущественной целью поднять и развить магометанский дух и по возможности придавить неизбежную требовательность русского». По словам попечителя, школа стала «любимым детищем магометанства», там преподается ислам, ежедневно выполняется 5-разовое богослужение, а выпускники в основном пополняют ряды духовных служителей. Л. Лавровский считал необходимым переименовать школу в башкирскую, так как большинство обучающихся в ней представители этой нации. В 1889 г. власти после нескольких попыток изменить систему преподавания в школе закрыли ее. Актуальным оставался вопрос о создании специального религиозного учебного заведения при Духовном собрании. В 1873 г. религиозное учреждение рассматривало проект, представленный инспектором татарских, башкирских и киргизских школ А. Радловым. Предполагалось за счет части брачной суммы и пожертвований прихожан открыть 4-летнюю школу. В ней должны были изучаться татарский, арабский и русский языки, арифметика, Коран и мусульманское богословие. Муфтию отводилась роль почетного попечителя и председательствующего в совете по обсуждению деятельности школы. Непосредственное же заведование осуществлял инспектор татарских, башкирских и киргизских школ. В конце концов проект был заморожен Оренбургским магометанским духовным собранием из-за несогласия с уставом. Вероятно, его также не устраивало открытие учебного заведения при Стерлитамакской каменной мечети, так как вышеупомянутый попечитель Л. Лавровский заявил следующее: «Единственной целью открытия школы при каменной мечети в Стерли-тамаке считать распространение между татарами магометанами русского языка». Министерство внутренних дел из-за серьезных разногласий между государственными учреждениями отложило открытие школы на неопределенный срок.

В последней четверти XIX в. в мусульманском обществе России усилилась тенденция к реформам в сфере образования. Появился ряд прогрессивных просветителей таких, как Х. Феизханов,

Хайрулла Усманов,
основатель медресе Усмания

Ш. Марджани, К. Насыри, М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов и др., активно ратующих за школьную реформу и пропагандирующих необходимость изучения светских наук и русского языка. Преобразование мектебов и медресе в конце XIX в. было связано с движением за джадидистские (новометодные) школы. В отличие от старометодных школ с преподаванием по буквослогательному методу в них обучение велось звуковым методом. Новый метод, родиной которого была Турция, убыстрял процесс обучения в несколько раз. К числу крупных джадидистских учебных заведений относились медресе Усмания в Уфе, Хусаиния в Оренбурге, Расулия в Троицке.

Реформа школьного образования проходила в острой борьбе с консервативными силами (kadimistами), отстаивающими старые порядки. Kadimistsы объявили школьные нововведения противоречащими исламским традициям и призывали отказаться от них. Они находили опору и среди мусульманского населения, так как правительство проводило непоследовательную политику по религиозно-школьному вопросу. Так, например, в 70-х гг. XIX в. уфимскими властями было запрещено преподавание ислама в общеобразовательных учреждениях. В 1887 г. муфтий Мухамедъяр Султанов, подытожив многочисленные ходатайства мусульманских общин, обратился в Министерство народного просвещения с просьбой восстановить преподавание вероучения в школах. В ответ попечитель Оренбургского учебного округа заявил, что в учебных заведениях курс «Основы ислама» должен вестись на русском языке. По мнению же муфтия, школьное «изучение магометанского вероучения по самой сущности своей должно состоять в буквальном усвоении подлинных его источников и молитв, которые в переводе на русский язык утратили бы свое значение, и преподавание этого вероучения на русском языке не соответствовало бы целям религиозного воспитания магометанского юношества». В процесс обсуждения проблемы включился и министр внутренних дел Д. Толстой, который выделил национальный аспект. Ссылаясь на то, что «преподавание правил мусульманской веры на татарском языке башкирам и киргизам облегчило бы слияние этих племен с татарами», он отверг предложения муфтия.

Между тем Александр III подписал 16 июля 1888 г. указ о введении образовательного ценза для всех утверждаемых в духовном звании лиц. Согласно указу при определении высшего приходского духовенства (ахунов и хатыбов) требовалось предъявить свидетельство об успешной сдаче экзаменов по программе однокласс-

ного начального народного училища, а от кандидатов на должность имамов и муэдзинов — свидетельство уездных училищных советов о знании ими русской разговорной речи и чтения. Сама идея указа была не нова. Еще 12 ноября 1827 г. оренбургский генерал-губернатор П. К. Эссен издал предписание об обязательности знания русского языка мусульманами при поступлении на духовные должности. Распоряжение вступило в силу с 1832 г. Но 25 ноября 1833 г. из-за протестов башкир и татар министр внутренних дел Д. Д. Блудов предписал генерал-губернатору В. А. Перовскому восстановить прежний порядок определения на мусульманские духовные должности, что и было сделано.

Новый закон вводился в действие с 1 января 1891 г. Он был встречен мусульманами России неодобрительно. Только в январе 1889 г. в Духовное собрание поступило 100 коллективных прошения от более чем полумиллиона человек об отмене указа. 31 января 1889 г. в отсутствие муфтия религиозное учреждение обсудило петиции и пришло к выводу, что все мусульмане считают новый закон «как явно служащий к уничтожению исповедуемой ими веры, стесняющий свободное отправление его, он не может быть исполнением в точном его смысле, так как правила исповедуемой ими религии возлагают на них безусловное слепое следование законам и установлениям властей лишь настолько, насколько они равны религии». Мнения о передаче петиции императору разделились. Заседатели А. Хисматуллин, З. Максютов, М. Сулейманов считали, что прошения необходимо передать в Санкт-Петербург, ибо возвращение их обратно может вызвать неудовлетворение мусульман. Служащие Духовного собрания напоминали, что указы императора не могут быть обжалованы и им следует беспрекословно подчиняться. Прошения поступали и в дальнейшем. Так, башкиры д. Кинзебулатово Азнаевской волости Оренбургского уезда в петиции от 25 февраля 1889 г. в Духовное собрание оценили указ как «казусное событие» и выразили уверенность, что «наша магометанская вера никогда не должна подвергаться каким-либо изменениям, а мы сами незаконным стеснениям».

Само Духовное собрание все же было вынуждено поддержать указ. В 1886 г. Мухаметсалим Уметбаев, который, если выражаться современным языком, наряду со штатными обязанностями выполнял роль пресс-атташе Духовного собрания, поместил в «Уфимских губернских ведомостях» статью «Экзамен в Оренбургском магометанском духовном собрании в Уфе». В ней рассказывалось о сдаче экзаменов находящимся в запасе под-

хорунжим 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска Габдулкадиром Усмановым. Автор сообщал, что экзаменуемый, кроме религиозного образования в медресе, получил светское образование, окончив уездное училище, а потом Оренбургское юнкерское училище. «Это едва ли не единственный экземпляр между прибывшими в Уфу на испытание арабистами, которые не имеют столь разностороннего образования, коим обладает Усманов. Конечно, было бы таких учителей немало, если наше мусульманское общество имело хотя бы малое сочувствие к светским наукам и искусствам», — писал Мухаметсалим Уметбаев, выражая официальную точку зрения Духовного собрания. Заседатели, принимавшие вышеупомянутое постановление, попали в список неблагонадежных и получили выговоры.

Горячим сторонником изучения русского языка выступила редактируемая известным мусульманским просветителем И. Гаспринским газета «Тарджеман». В редакционной статье от 28 октября 1889 г. подчеркивалось, что Духовное собрание и другие правительственные учреждения должны в короткое время открыть подготовительные школы для обучения мулл русскому языку. Только владея государственным языком, муллы смогут достойно отстаивать интересы мусульман на любом уровне.

Следующим шагом в регулировании деятельности мектебов и медресе стал циркуляр Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. об изъятии из мектебов и медресе рукописных книг и запрещении преподавательской деятельности муллам, получившим образование за рубежом. Иностранные религиозные издания должны были подвергнуться жесткой цензуре. Среди мусульманских духовных лиц распространились слухи о поступлении в Министерство внутренних дел сведений, будто бы в мусульманских школах обращаются рукописные книги и тетради на татарском языке, в которых оплакивается зависимость татар от Российского государства, восхваляются мусульманские народы Востока, выражается сожаление об участии мусульман, призванных к отбытию воинской повинности». Имам Второй соборной мечети г. Уфы Мухаметзариф Галикеев был убежден, что такие сведения распространяются людьми, придерживающимися иезуитского принципа «благая цель оправдывает и дурные средства». Последовало «всероссийское обращение» в Министерство внутренних дел казанских, оренбургских, уфимских, рязанских, касимовских, иркутских купцов. В нем резко критиковались последние мероприятия правительства. В поддержку требований мусульманского насе-

ния выступил и И. Гаспринский. В письме к министру внутренних дел И. Н. Дурново он предлагал ему взглянуть на государственные меры глазами обыкновенного мусульманина. «Твои книги печатать не дозволяют, покупать их за границей воспрещают, — писал он, — учиться по рукописям, как было до распространения печати, тоже не допускают, в то же время духовников твоих обязывают учиться по-русски и самого тебя призывают к тому же». Он указывал, что «Россия настолько велика и могущественна, что может не обращать внимания на то, что будут думать о ней мусульмане внутренние и иноземные, но не вижу никакой даже отдаленной пользы в том, чтобы мусульманский мир был возбужден против нее, как гонительницы ислама и мусульман». И. Гаспринский считал необходимым смягчить правительственные меры, а некоторые указы все отменить.

В этих условиях положение Духовного собрания оказалось весьма щекотливым. По словам его главы Мухамедъяра Султанова, из-за последних опрометчивых шагов правительства возникла пропасть между мусульманским духовенством и прихожанами. «Население убеждено — докладывал он, — что магометанская религия преследуется правительством, а магометанское духовенство, как высшее, так и приходское, держит руку правительства, а потому и не старается отстаивать интересы религии». Вероятно, чтобы показать свою близость к интересам большинства мусульманского населения, Духовное собрание поддержало часть их требований. Так, религиозное учреждение выступило в защиту известных стерлибашевских мударрисов братьев Хабиуллы и Габдулмаджида Тукаевых, стерлитамакского мударриса Габдулмаджида Нагаева, уволенных в 1893 г. по причине обучения за рубежом. Отметив несуразность закона, Мухамедъяр Султанов писал, что братья Тукаевы с детства обучались в медресе России, а уже потом пополнили свои знания в Бухаре и Самарканде. «Устранение этих лиц ввиду их популярности произвело удручающее впечатление как на мусульманское население, так и на подведомственное мне духовенство» — подчеркивал муфтий в обращении в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Уволенные мударрисы были восстановлены в своих должностях. Волна недовольства мусульман вынудила правительство в 1894 г. отложить введение в действие циркуляра Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. Впоследствии по рекомендации МВД он был отменен.

Несмотря на то, что правительство официально декларировало равные образовательные права граждан всех вероисповеданий, ограничения для лиц нехристианской религии существовали. Например, в вузах правом получения стипендий и пособий обладали только православные. 13 декабря 1894 г. муфтий обратился к министру народного просвещения И. Д. Делянову с просьбой отменить ограничения для мусульман в области образования. Мухамедьяр Султанов полагал, что эта мера послужит прогрессу мусульман, к которому так настойчиво призывает правительство. Однако министр отказался выполнить просьбу главы Духовного собрания, мотивируя тем, что в случае удовлетворения его ходатайства последуют обращения представителей других вероисповеданий, и прежде всего евреев.

В мусульманском обществе существовал определенный раскол по поводу усиления роли земства при контроле над учебным процессом в мектебах и медресе. Среди мусульманского духовенства можно выделить три группы, которые открыто проявляли свои позиции.

Первая из них отказывалась брать какие-либо деньги с органов местного самоуправления, так как это прямой путь к зависимости от них не только в финансовых вопросах, но и в учебном процессе. Некоторые из них призывали каждому мектебу и медресе создавать собственные финансовые фонды. Это должно было быть альтернативой распространению учебных заведений нового типа, поддерживаемых земством. Особенности подхода кадимистов, в частности, отражает брошюра Гайнитдина Сагинбаева «Разоблачение тайн в области новых направлений», вышедшая в Оренбурге в 1916 г. Автор писал, что «кто желает воспитывать своих детей в духе ислама, тем единственное средство — образовать особое попечительство со стороны прихода, которое позаботится о совершении вакуфов, на доходы от которых можно было бы содержать имамов, учителей, а также мектебы и медресе, или наложить на прихожан известный налог, или же возложить на кого-либо из богатых прихожан известный расход, если такие люди найдутся, а заведование мектебами и медресе возложить на приходского имама». По мнению автора, только в этом случае можно сохранить преподавание по старому методу, а значит и «дух ислама».

Вторая группа поддерживала земство постоянно обращалась за помощью в органы самоуправления, по их требованию вносила корректировки в учебные планы и предоставляла отчетность по рас-

ходам. «Земство, не разделяя народ, находящийся в его руках, готовит бедных к прогрессу, и в целях движения вперед старается внедрить науки и знания, и в соответствии с этим выделяет деньги мусульманским школам», — говорили они.

Наконец, часть мулл считала получение финансовой помощи из органов местного самоуправления вполне обоснованной, так его бюджет формировался и за счет взносов от мусульманского населения. В тоже время существовало полное единодушие в вопросах предоставления контроля над мектебами и медресе ОМДС. Предлагались лишь разные способы реализации этого права, в частности путем учреждения мухтасибатов и создания системы объективной оценки деятельности того или иного медресе.

Часть мусульманского духовенства с недоверием воспринимала попытки местного самоуправления контролировать ситуацию в медресе и мектебах, а также тенденцию к увеличению преподавания светских предметов в религиозных школах. Существовало понимание, что учебные заведения в Уфимской и Оренбургской губерниях, получающие пособия от земства, постепенно выходят из управления имамов, и часть полномочий переходит к назначенным земствами попечителям.

Духовное собрание сформировало свое мнение по дальнейшему функционированию конфессиональных школ. В переписке с Уфимским уездным земством в 1909 г. оно отмечало, что именно потребность башкир и татар в начальном образовании заставляла вводить знания общеобразовательного характера в конфессиональные школы. Сопротивление части мусульманского населения введению низшего обязательного образования учреждение объяснялось его неудовлетворением школой, ограничивающей свои задачи обучением русскому языку и элементарным знаниям. «Школа, игнорирующая религиозное воспитание и родной язык учащихся, представляется населению серьезной угрозой его национальным и религиозным особенностям, и ей как нивелирующей сознание народных масс невольно противопоставляется школа конфессиональная, как сила, способствующая сохранению означенных особенностей», — заявляло Духовное собрание. Причем оно считало необходимым в светских школах начинать преподавание на родном языке, затем постепенно переходить на русский язык обучения, а также включить в программу религиозное воспитание.

С 1894 г. развернулось цензирование мусульманских книг. За первую половину года Санкт-Петербургский цензурный коми-

тет проверил 64 книги, представленные Оренбургским учебным округом, и 2 из них нашел вредными. Одна книга пострадала из-за содержащего в ней опровержения догматов других религий, а вторая, географическая, — из-за отсутствия материалов по природе России.

На местах имамы отказались давать подписки о том, что не будут пользоваться запрещенными книгами. Например, 9 июля 1894 г. 9 духовных лиц Верхне-Татышлинской волости Бирского уезда во главе с ахуном Кийковым отказались выполнять распоряжение об изъятии книг. Вообще такие имамы в Уфимской губернии, по мнению губернатора, составляли большинство. Нейтральную позицию по изъятию книги занял муфтий Мухамедъяр Султанов. На предписание уфимского губернатора сделать внушение духовенству муфтий 4 апреля 1895 г. отозвался так: «Фетва может возбудить весьма понятное любопытство и желание ознакомиться с ними в подлиннике, и в конце концов путем разъяснения я невольно буду содействовать, хотя и косвенно, распространению запрещенных книг, что крайне нежелательно».

Во второй половине XIX в. само Духовное собрание добивалось проведения цензуры всех выходящих книг по исламу. Еще в 1856 г. в связи с публикацией Корана в Казанской типографии купца Кукубина оно обратилось в Министерство внутренних дел с просьбой предоставить ему право цензуры мусульманских книг, мотивируя это тем, что в данном издании обнаружено много ошибок. Отметив в постановлении от 27 октября 1858 г., «что всякое неправильное изречение в словах священного Корана составляет величайший перед Всевышним грех», Собрание просило Министерство внутренних дел наказать виновных, остановить выпуск и продажу издания. Но министр внутренних дел С. Ланской распоряжением от 11 марта 1859 г. разрешил продажу книги, ссылаясь на огромные доходы от торговли этим российским товаром с Хивой и Бухарой. С 1859 г. религиозное учреждение назначало специальных корректоров для сверки текстов в типографиях, где печатались мусульманские издания. Но жалобы со стороны духовных лиц продолжались. Духовное собрание занималось также рецензированием рукописей и книг.

В августе 1889 г. Министерство внутренних дел поручило ОМДС предварительное рассмотрение и редактирование Корана и Афтияка. Первым шагом в этой сфере деятельности явился отказ Духовного собрания в выпуске в свет 40-тысячного тиража Афтияка из-за огромного количества ошибок.

ОРЕНБУРГСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ И ВАКУФЫ

В ведении ОМДС находились вакуфы — имущество, пожертвованное религиозным организациям.

По шариату, под вакуфами понимается имущество, посвященное для религиозно-благотворительной цели. Оно может представлять собой движимую или недвижимую собственность, приносящую доход обладателю — религиозной организации (мечетям и учебным заведениям). До Октябрьской революции огромные вакуфы — земли, дома, торговые лавки и т. д. принадлежали мусульманским учреждениям Средней Азии, Закавказья и Крыма. Например, в 5 уездах Крыма под вакуфами находилось более 87 тыс. квадратных саженей земли, 500 домов и лавок, 300 десятин земли в городах. В 1914 г. общая сумма данного имущества оценивалась в 800 тыс. рублей. Только в одной Ферганской области Туркестанского края насчитывалось 3 238 учреждений, имевших вакуфные владения.

Вакуфы, находившиеся в ведении ОМДС, значительно уступали среднеазиатским и крымским. Впервые государственные структуры заинтересовались вакуфами в Урало-Поволжье в последней трети XIX в. Первые официальные сведения о вакуфах на территории Европейской России дал проводивший в 1870 г. ревизию Оренбургского магометанского духовного собрания чиновник особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе И. Ильин. В своем отчете он отметил 3 вакуфа: стерлитамакского купца Габделхалика Ибраева в пользу 1-й соборной мечети г. Стерлитамака — 5 лавок и 90 десятин земли (1829 г.), казанского купца 1-й гильдии Губайдуллы Юнусова в пользу Казанской соборной Сениной мечети — 2 каменных лавки (1830 г.), тарского купца 2-й гильдии Г. Алтынина на содержание духовенства 1-й соборной мечети г. Тары — 30 тыс. рублей ассигнациями (1841 г.). В это время, по словам И. Ильина, государственно-религиозное учреждение в какой-то степени контролировало только стерлитамакский вакуф, ежегодно получая от его мутаваллиев (попечителей) отчеты об управлении имуществом. Выводы, сделанные ревизором, касались лишь зарегистрированных вакуфов. Между тем известно большое количество дарителей, никогда официально не оформлявших акты пожертвования. В этом отношении справедливо замечание немецкого ученого Михаэля Кемпера, который в своей

фундаментальной монографии, посвященной проблемам ислама в Татарстане и Башкортостане в XIX в., пишет, что «явное большинство пожертвований или подарков регулировалось с помощью частного договора между дарителем и приходским муллой». К тому же никаких регламентирующих указаний на этот счет ни со стороны Духовного собрания, ни со стороны другого государственного учреждения в течение продолжительного времени не издавалось, а значит, не велась и соответствующая отчетность.

В последней четверти XIX в. количество вакуфов в Урало-Поволжском регионе заметно увеличилось. В 1889 г. на территории Европейской России и Сибири насчитывалось 21 вакуфное имущество, при этом в Оренбургской и Уфимской губерниях под наблюдением Духовного собрания находилось 10 вакуфов.

Учитывая, что на тот период под юрисдикцией Духовного собрания действовали 4 254 мечети (из них – 1 896 в Уфимской и Оренбургской губерниях), общее количество вакуфов можно признать небольшим.

Духовное собрание стремилось в законодательном порядке отрегулировать вопросы вакуфов и содержания мечетей. Так, Салимгарей Тевкелев предлагал ввести при каждой мечети должность назыра (попечителя), контролируемого как прихожанами, так и религиозным учреждением. Но предложение муфтия не получило поддержки властей. Только через 20 лет правительство вернулось к рассмотрению данной проблемы. В 1891 г. МВД предписало Духовному собранию срочно представить проект по управлению вакуфами. При этом оно оговорило, что государственно-религиозное учреждение не может целиком руководствоваться положением о вакуфных имениях в Таврической губернии, содержащемся в приложении к статье 1203 Устава иностранных исповеданий. Духовное собрание разработало проект, определив необходимым включить в него статьи 2–6, 8–10 указанного приложения. В целом документ, состоящий из 9 пунктов, как и все проекты, которые разрабатывало Духовное собрание по указу вышестоящих инстанций, представляет собой сочетание норм шариата и общероссийского права.

Согласно проекту устные духовные завещания предполагалось отмечать в метрических книгах. Учреждение вакуфа (хаджит или саняд) должно было происходить с разрешения Духовного собрания и после утверждения МВД. Для мутаваллиев крупных вакуфов вводились специальные книги, в которых они обязывались запи-

сывать все доходы и расходы и представлять их ежегодно в Духовное собрание. Последнее обладало правом отстранять мутаваллиев в случае грубого нарушения духовного завещания. При отсутствии в завещаниях пункта о награждении мутаваллия и отказе в связи с этим выбранных лиц исполнять свои должностные обязанности Духовное собрание получало право определять выплаты из сумм вакуфа по согласованию с мусульманской общиной. Все крупные финансовые сделки мутаваллии должны были совершать только после получения фетвы из Уфы и по правилам об общественных ссудных кассах.

Судя по дальнейшей деятельности Духовного собрания, данный документ был одобрен Министерством внутренних дел за одним исключением. Департамент духовных дел иностранных исповеданий 13 августа 1898 г. принял решение о передаче подаренного башкирским, татарским и казахским школам имущества в ведение Министерства народного просвещения. Директор департамента К. Мосолов обосновал это постановление законом от 20 ноября 1874 г., согласно которому мусульманские школы полностью переходили под юрисдикцию указанного министерства. Одним из конкретных шагов явилось решение департамента передать завещанное Джиганшей Усмановым на постройку в г. Казани медресе и содержание его учеников имущество и капитал в ведение Министерства народного просвещения. Кроме того, в конце XIX в. Министерство внутренних дел не рекомендовало Духовному собранию использовать в официальной переписке термин «вакуф», а предписало заменить его на выражение «пожертвованное имение». Поводом к принятию данного решения послужило обращение Гаида Файзуллина с просьбой зарегистрировать акт дарения 100 десятин земли стерлибашевскому медресе.

Необходимо выделить и следующее обстоятельство. Как известно, к вакуфам относятся также мечети и медресе, построенные отдельными лицами и переданные в пользование мусульманской общине. Обычно эти люди были состоятельными, покупали участки земли, строительные материалы и с согласия общества самостоятельно возводили культовые здания. В прошениях мусульманских общин на разрешение постройки мечети, поступающих в ОМДС, их имена, за редким исключением, не упоминались. Такие вакуфы, называемые бездоходными, также не учитывались в официальной отчетности учреждения. Тем не менее в ситуациях, связанных с невозможностью дальнейшего функционирования вакуфов, вопрос

об их принадлежности неожиданно приобретал остроту и становился предметом дискуссий в мусульманском обществе. Например, подобное происходило в 40-х гг. XIX в., когда по распоряжению командующего Башкиро-мештерякским войском тысячи башкирских семей Оренбургского, Троицкого и Челябинского уездов были вынуждены покинуть родные места. Переселяясь, они забирали все имущество, в том числе и срубы мечетей. Но совсем неожиданно для переселенцев некоторые строители мечетей, казалось бы после передачи зданий в ведение общества полностью потерявшие право распоряжения ими, стали требовать их возвращения. При этом они опирались на положения шариата, допускавшие возвращение вакуфа бывшему собственнику. Главным условием для удовлетворения таких претензий являлась фиксация окончательного прекращения существования учреждения, в пользу которого сделано пожертвование. Духовное собрание, оказавшись в сложной ситуации, нашло выход. На заседаниях принимались постановления, разрешающие споры между прихожанами и благотворителями, после предварительного выяснения, кто из них затратил больше средств на возведение мечетей. Примерно аналогичная ситуация сложилась в 1863–1865 гг. Тогда Духовное собрание, ссылаясь на необходимость получения согласия от Мукмина Хозясеитова, долгое время запрещало ахуну Шарафетдину Сулейманову начать строительство ограды вокруг Первой Уфимской соборной мечети.

Оренбургское магометанское духовное собрание постоянно выражало заинтересованность в увеличении количества вакуфов, поскольку только так можно было облегчить положение имамов и муэдзинов, имевших маленькие и бедные приходы. В 1871 г. муфтий Салимгарей Тевкелев представил в Министерство внутренних дел проект документа «О правах магометан по вероисповеданию». В нем содержался раздел о правах и обязанностях вводимого в штат мечети назыра (попечителя). Предполагалось, что он будет избираться приходом на 3 года и вести все финансовые дела мечетей и учебных заведений при них, в частности собирать добровольные пожертвования и приношения, записывая их в специальную приходно-расходную книгу. Все текущие расходы должны были ежемесячно заверяться муллой и муэдзином. Прихожанам разрешалось при помощи выбранных уполномоченных в любое время проверить правильность операций. Назыр подчинялся своему духовному начальству и в то же время обязывался исполнять все гражданские законы. Предусматривалась и система поощрения

попечителей. Назыр, находившийся на должности 2 срока и «кроме того, содействовавший к устройству благотворительного учреждения или школы или постройке школы, награждается серебряной медалью, 4 срока — золотой медалью».

Салимгарей Тевкелев постарался отразить в проекте отношения Духовного собрания с вакуфными учреждениями. По его мнению, государственно-религиозное учреждение обязывалось следить, чтобы мутаваллии использовали вакуфы по назначению, и вести специальную книгу, где фиксировалось все пожертвованное имущество. Кроме того, только с согласия Духовного собрания можно было продавать с аукциона бездоходные вакуфы с обязательным использованием вырученных средств на приобретение более выгодного имущества. Предложения муфтия были выдвинуты в то время, когда правительство развернуло кампанию по уменьшению вакуфной собственности в Средней Азии и Крыму. Разумеется, это не могло отразиться на росте собственности мусульманских культовых и учебных заведений в Урало-Поволжье. Но все же некоторые идеи Салимгарея Тевкелева были впоследствии реализованы. В частности, с 1888 г. согласно закону о брачных сборах среди мусульман все денежные пожертвования в пользу мечетей и духовенства записывались в метрические книги.

Обнаружившаяся картина увеличения количества вакуфов в Урало-Поволжье заставила правительство заняться законодательным регулированием данного вопроса. В 1891 г. Министерство внутренних дел предписало Духовному собранию разработать и представить законопроект по приему, сохранению и использованию пожертвованных частными лицами в пользу мечетей материальных ценностей и денег. Мухамедъяр Султанов поручил данную работу переводчику Мухаметсалиму Уметбаеву. Выбор муфтия был не случаен. В 1887–1888 гг. М. Уметбаев состоял секретарем Особой комиссии по делам вакуфов в Крыму, которую возглавлял генерал-майор Г. Чингизхан. Он проделал огромную работу по выявлению, систематизации и переводу документов из архивов Санкт-Петербурга и Симферополя. При его непосредственном участии составлялись инструкции по упорядочиванию крымских вакуфов («Условия на отдачу в арендное содержание вакуфных участков, состоящих в заведении Особой комиссии», «О мутаваллиях» и др.). В дальнейшем опыт и глубокие знания М. Уметбаева использовались Духовным собранием при разбирательствах, связанных с мусульманской благотворительностью.

В результате проделанной работы учреждение представило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий доклад, в котором отмечало, что «в округе Оренбургского магометанского духовного собрания... имеются лишь вакуфы духовные, пожертвованные частными лицами в пользу мечети, медресе и мулл, управляемые мутаваллиями или самим обществом, особых правил для них не издано, а потому контроля над ними не имеется». Духовное собрание не сочло возможным из-за исторических и географических причин полностью применять в подведомственном округе правила, установленные для вакуфов в Крыму. В проекте определялся порядок открытия вакуфов. Документы об учрежденных вакуфах (письменных или объявленных публично устно) должны были в течение 3 дней отправляться в Духовное собрание, которое после предварительной проверки отсыпало их на утверждение в Министерство внутренних дел. После официального утверждения имения передавались в аренду, а полученные доходы вкладывались в сберегательные банки. При всех финансовых операциях мутаваллии обязывались руководствоваться правилами об общественных ссудных кассах.

Государственно-религиозное учреждение позаботилось об установлении в проекте своей компетенции в деле контроля над вакуфами. Так, Духовное собрание в случае отсутствия мутаваллиев по завещанию назначало их с одобрения общества. Мутаваллии обязывались предоставлять в Уфу ежегодные отчеты по управлению пожертвованным имуществом. Крупные расходы производились только с согласия главы Духовного собрания. Если в завещании не имелось пункта о вознаграждении попечителей, муфтий мог назначить его самостоятельно. Государственно-религиозное учреждение также получало право отстранять от своих обязанностей мутаваллиев, когда они грубо нарушали условия попечительского акта (хаджита).

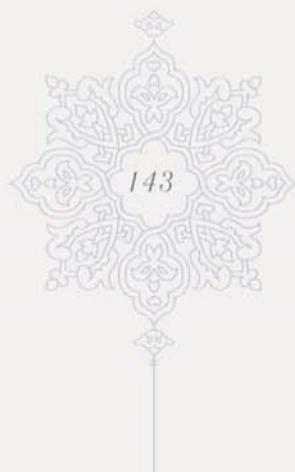
Из располагаемых нами источников не ясно, утвердило ли МВД данный проект, но ОМДС старалось придерживаться его положений в своей повседневной деятельности.

В начале XX в. Духовное собрание заметно усилило свой интерес к вакуфным делам. Прежде всего, было упорядочено дело-производство. В здании учреждения был установлен специальный сейф, где помещались все учредительные документы вакуфов. В 1901 г. муфтий Мухамедъяр Султанов предписал двум кадиям (заседателям) Р. Фахретдинову и Г. Тангатарову взять под наблю-

дение все пожертвованное имущество. Первый из них должен был контролировать вакуфы в Уфимской и Оренбургской губерниях, второй — все оставшиеся. Заседатели обязывались «постоянно следить за своевременным доставлением мутаваллиями ежегодных отчетов, проверять их и о результатах в конце каждого года докладывать Духовному собранию». Р. Фахретдинов и Г. Тунгатаров в 1901–1905 гг. проделали большую и кропотливую работу по сбору необходимых материалов и составили сводную таблицу вакуфов. К тому же Р. Фахретдинов, являвшийся знатоком мусульманского права, подготовливал все решения Духовного собрания относительно пожертвованного имущества. Практически он заменил собой целый аппарат, призванный выполнять данные обязанности. Из протоколов заседаний религиозного учреждения видно, что Ризаитдин Фахретдинов в 1904 г. попросил Духовное собрание «навсегда освободить его от ведения отчетности по вакуфам». Вероятно, кадий, в это время плодотворно занимавшийся научной и общественной деятельностью, не желал полностью посвящать себя чиновничьей работе. Однако в конце 1905 г. он вновь недолго занимался вакуфной проблемой, готовя документ по совершенствованию управления движимым и недвижимым имуществом, но проект остался недоработанным ввиду скорого оставления должности и переезда в Оренбург.

В начале XX в. в татарских газетах появились статьи, в которых представители духовенства обосновывали необходимость функционирования вакуфов в России исключительно по законам мусульманских государств. В связи с этим очень интересным представляется сравнительный анализ зарубежных и российских вакуфов, произведенный Р. Фахретдиновым. Ученый считал, что обычная запись в учредительных документах о запрете на продажу вакуфного имущества в средневековых мусульманских государствах была связана с неразвитостью денежных отношений и в какой-то мере являлась препятствием для нечестных мутаваллиев. Поскольку в России существует особая форма управления вакуфами с непосредственным контролем со стороны государственных структур, не допускающих передачу пожертвованных зданий и земель в частные руки, нет необходимости ставить условием запрет на его продажу. Более того, в некоторых случаях продажа имущества может принести ощутимую пользу мусульманскому обществу. «Какой может быть вред в продаже здания с доходом 100 рублей и покупке вместо него земли, приносящий доход 200 рублей или продаже земли с до-

ходом 50 рублей и помещения вырученного капитала в надежный банк с доходом 100 рублей?» — воскликнул Р. Фахретдинов.

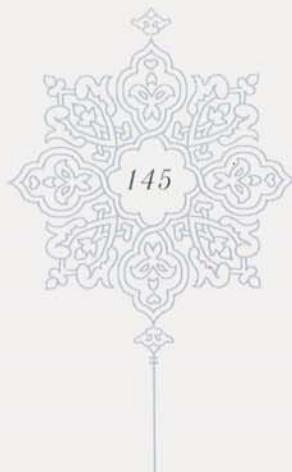
Государственно-религиозное учреждение усилило свои контрольные функции. По предложению Р. Фахретдина оно приняло 23 ноября 1902 г. постановление о высылке всем мутаваллиям приходно-расходных книг. Духовное собрание стремилось не допустить сдачу имений в аренду за бесценок и на долгий срок. В 1902 г. был установлен максимальный срок аренды — 3 года. В исключительных случаях, когда условия долговременной аренды были чрезвычайно выгодными, требовалось специальное постановление религиозного учреждения. По прошествии полугодия следовало направлять в Уфу копии арендных соглашений. Духовное собрание также наделялось правом отстранять мутаваллиев от должности при нарушении условий вакуфа. В 1903 г., когда мутаваллии купца Гайнуллы Гадельшина отказались предоставлять в Уфу отчеты по управлению вакуфом, министр внутренних дел И. Н. Дурново признал законным постановление учреждения об их удалении.

Общее количество вакуфов учебных заведений (мектебов и медресе) установить трудно. По данным анкетного опроса, проведенного в 1913 г., из 1 579 мектебов Уфимской губернии, давших о себе сведения в ходе анкетного опроса, в 7 случаях источником содержания служил процент с капиталов предпринимателей, в 35 — помочь благотворительных обществ и вакуфы. Довольно большое число школ (123) содержалось исключительно на частные пожертвования или частными лицами (в 8 случаях). Остальным мектебам помочь оказывалась местными земствами (319) или они полностью находились на содержании имамов или муэдзинов (в 81 случае). Известно, что в целях решения финансовых проблем медресе Галия на собрании 27 декабря 1916 г. по предложению Зия Камали был учрежден вакуфный фонд. Духовному собранию запрещалось принимать заявления на регистрацию вакуфов в пользу медресе. Вероятно, такие случаи встречались достаточно редко. Можно привести только один пример, когда государство применило подобную запретительную меру. В 1909 г. землевладелица Хадича Еникеева обратилась в учреждение с просьбой оформить передачу 122 десятин земли с домами, надворными постройками, мельницей в пользу знаменитого медресе Абдуллы и Губайдуллы Нигматуллиных в д. Боба Сарапульского уезда Вятской губернии. Она получила отказ, что, впрочем, не помешало землевладелице объявить вакуф устно и направлять доходы на содержание учебного заведения.

Решение Духовного собрания, скорее всего, носило политический характер, поскольку уже тогда над братьями Бобинскими сгущались тучи; они обвинялись властями в пантюркизме и панисламизме.

Встречались случаи, когда владельцы собственности по своей инициативе прекращали процесс передачи имущества в вакуф. Например, в 1901 г. кокчетавский купец 2-й гильдии Абдуллатыф Халиков объявил о передаче 3 тыс. рублей и нескольких усадеб в пользу 1-й соборной мечети. Через 2 года имам мечети Хамидулла Бикташев сообщил в Духовное собрание, что «духовное завещание Халикова справлено было заранее предприятия им путешествия в хадж, из хаджа же возвратился он вполне здоровый и при жизни выстроил мечеть с употреблением всех завещанных по духовному завещанию денег». Второй случай отказа зафиксирован в 1916 г., когда башкир д. Юлдашево Тептяр-Учалинской волости Верхнеуральского уезда Ахмедвалий Басыров отменил решение о передаче в вакуф соборной мечети 5 000 рублей. В письме в Оренбургское губернское правление он сообщил, что «в настоящее время не имеет желания жертвовать показанную выше сумму, так как он наличных денег не имеет, а имел запас хлеба около 3 000 пудов, часть которого им уже продана и раздана бедным». В этих случаях пожертвованные имения находились на стадии регистрации. Учитывая то, что деньги были направлены, хотя и не на указанные, но все же на благотворительные цели, Духовное собрание не предприняло никаких действий по отношению к А. Халикову и А. Басырову.

В случае же с вакуфами в д. Яубаш (Болотцы) Касимовского уезда Рязанской губернии и д. Туртыково (Толстиково) Елатомского уезда Тамбовской губернии ситуация сложилась несколько по-иному. В июне 1909 г. хаджи Фатима Байряшева, выполняя волю покойного мужа Гатауллы Байряшева, обратилась в Духовное собрание с прошением на передачу в дар мечети, медресе д. Яубаш и медресе д. Туртыково 5 тыс. рублей. Согласно условиям вакуфа деньги должны были быть помещены в Государственный банк, а ежегодные проценты распределяться на содержание, ремонт и отопление мечети и учебных заведений. Кроме того, Ф. Байряшева выделяла 524,3 сажени земли на устройство мусульманского кладбища в д. Волково Петербургского уезда. Мутаваллием вакуфа дарительница назначила сына Мухаметфатиха Байряшева, который обязывался ежегодно направлять отчеты в Духовное собрание и принимать решение по расходованию средств «только советуясь с прихожанами». После смерти Ф. Байряшевой МВД

распоряжением от 19 апреля 1912 г. разрешило передачу имущества на благотворительные цели. В ноябре того же года Духовное собрание утвердило мутаваллием вакуфа в д. Туртыково избранными жителями муллой Шарифьяном Баязитовым. Однако распорядитель имущества — кандидат коммерции, личный почетный гражданин Фатих Байряшев, никак не реагируя на многочисленные запросы религиозного учреждения, по существу отказался выполнять духовное завещание матери. Вероятно, в данном случае Духовное собрание ввиду отсутствия документов, заверенных нотариусом, отказалось от предъявления судебного иска. Подобным правом религиозное учреждение начало пользоваться с 1892 г., когда возникла спорная ситуация с исполнением духовного завещания купца Бикентая Бакиева, выделившего на строительство мечети в г. Енисейске 4 000 рублей. После того как губернскоеправление отказалось Духовному собранию вправе предъявления иска к его наследникам в суде, оно обратилось в вышестоящие инстанции. МВД не только признало требования религиозного учреждения обоснованными, но вынесло определение, согласно которому Духовное собрание могло добиваться наложения запрета на движимое имущество умершего купца и принуждения наследников исполнить завещание. По закону мусульманское учреждение могло лишь вынести общественное порицание и наложить на лиц, замеченных в подобных поступках, духовное покаяние (таубе).

В основном вакуфы посвящались культовым и учебным заведениям одновременно. Это объяснялось тем, что издавна, особенно в Урало-Поволжском регионе, школы разного типа (медресе и мектебы) располагались при мечетях. Учитывая этот факт, постановление Министерства внутренних дел о разделении вакуфов на мечетные и школьные с самого начала было обречено на неисполнение. Когда вакуфы посвящались только школам, Духовное собрание направляло владельцам письма с объяснением ситуации и бумаги переоформлялись вновь. Обычно в новом варианте учредительного документа уже фигурировала какая-либо мечеть и «приписанная» к ней школа. Такие документы, за исключением вышеуказанных случаев, не встречали препятствий в Министерстве внутренних дел.

События 1905–1907 гг. значительно повлияли на мусульманское общество. Не осталось в стороне и духовенство, открыто выступавшее за свободу вероисповедания, равенство всех конфессий, отмену нормативных актов, так или иначе ущемляющих права

мусульман в сфере образования, исполнения религиозных обрядов и миссионерской деятельности. Началась «петиционная» кампания, в ходе которой мусульмане различных губерний направляли в местные и центральные органы власти многочисленные обращения. Среди всех поднимаемых проблем значительное место занимал и вопрос о вакуфах. На собраниях прихожан принимались резолюции о безусловной передаче вакуфов в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания. Такое решение, например, было принято на губернском совещании представителей башкирских волостей, состоявшемся 22–25 июня 1905 г. в г. Уфе. Вопросы вакуфной собственности привлекли внимание и первой российской мусульманской политической партии «Союз мусульман». В ее программе, утвержденной на III съезде в 1906 г., содержался пункт о том, что «мусульманам предоставляется право полного распоряжения всеми вакуфными имуществами, принадлежащими мечетям, учебным заведениям и мусульманским святыням культуры. Вакуфы и имущества должны быть немедленноозвращены соответствующим мусульманским обществам». Лидеры мусульманского духовенства полагали, что только разветвленная сеть вакуфов поможет облегчить печальное положение мусульманского духовенства. В резолюции съезда отмечалось исключительное право ОМДС утверждать имеющиеся вакуфы, сохранять их согласно условиям дарителей и предпринимать меры для увеличения собственности.

Несмотря на сильное давление на правительство, законодательство о подведомственных Оренбургскому магометанскому духовному собранию вакуфах не принималось. Муфтий и заседатели в узких рамках компетенции учреждения занимались нормотворчеством, руководствуясь прецедентами, возникшими в результате разбирательств в гражданских судах. Так, в 1895 г. уполномоченный от Духовного собрания самарский ахун Шигабутдин Минюшев опротестовал в Саратовской судебной палате решение нотариуса окружного суда, постановившего взыскать большую пошлину за безвозмездный дар мусульманской общине участка земли под строительство мечети. Палата отменила решение окружного суда, основываясь на том, что «за безвозмездный переход имущества освобождаются не только христианские церкви, а также и молитвенные храмы нехристианских духовных учреждений, в том числе Оренбургского магометанского духовного собрания». Полагаясь на данное решение, религиозное учреждение предписало всем аху-

нам и имамам при оформлении передачи имущества в вакуф руководствоваться вышеприведенным постановлением. Впрочем, судебные власти периодически продолжали практику наложения взыскания пошлин на вакуфную собственность. Подобным образом поступил в 1909 г. Уфимский окружной суд, вынеся определение о взыскании с дворянки Фатимы Тевкелевой 2,5 тыс. рублей за пожертвованный Первой Уфимской соборной мечети 2-этажный каменный дом. Протест имама мечети Джигангира Абызгильдина о незаконности этого решения был удовлетворен Казанской судебной палатой в марте 1910 г.

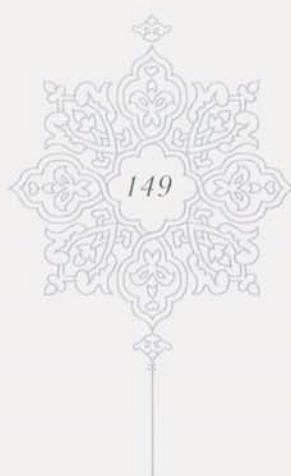
В конце XIX – начале XX в. среди башкир развернулось движение за передачу мечетям земельных участков. Отчасти эта кампания была инициирована муфтием Мухамедьяром Султановым, внявшим просьбам мусульманского духовенства. Он неоднократно в своих фетвах призывал башкир передавать мечетям на условиях вакуфа общественные земельные владения. Этот призыв был подхвачен и мусульманскими газетами. В частности, печатный орган Духовного собрания журнал «Маглюмат» разбирал многочисленные споры, происходившие в башкирских деревнях по поводу передачи собственности мечетям и медресе. Так, достаточно запутанной выглядела ситуация в д. Старомечетлино Кудейской волости Уфимского уезда и Уфимской губернии, где по первоначальным сведениям башкиры не вняли советам имама 1-й мечети Г. Манурова и имама 2-й мечети Г. Ишмуратова пожертвовать в вакуф религиозных учреждений часть из продаваемых 80 десятин земли. Однако впоследствии оказалось, что башкиры составили приговор о пожертвовании мечетям 7,5 десятины земли. В случае эффективного пользования землей мутаваллиям было обещано расширение собственности. Вероятно, в этой деревне культовым зданиям уделялось серьезное внимание. Совместными усилиями прихожан в одной из мечетей был произведен капитальный ремонт, выкопаны и оборудованы колодцы, построено здание медресе на 100 учеников.

Мусульманское духовенство устраивало поездки по башкирским деревням в целях поиска средств. Например, представляющие Бурзянское мусульманское благотворительное общество Шарафетдин Шамсетдинов и Ильяс Мухамедов весной 1913 г. во время приемов экзаменов в медресе добились от жителей д. Якшисаидово и д. Урге-Баба передачи в пользу мечетей и медресе соответственно 20 и 9 десятин земли. На необходимости задейство-

вать их башкирские земли для вакуфов настаивал в 1913 г. некий Каримов из д. Юлдаш Стерлитамакского уезда. Он обращал внимание на то, что земли рода Юрматы (42 деревни) постепенно покупаются и арендуются русскими и, несмотря на наличие мечетей и медресе, нет вакуфов. «Ранее на принадлежащих мусульманам землях вместо построенных мектебов и медресе возводятся учебные здания других народов, слуги превращаются в хозяев, хозяева в слуг», — писал автор. Он предлагал продавать земли единоверцам — татарам и мишарям, так как земли еще имеются. Они, по его мнению, смогли бы жертвовать земли мечетям. Но к сожалению Духовного собрания и всего мусульманского духовенства, надеявшихся с помощью расширения вакуфной собственности привести в порядок здания культовых и учебных заведений и отчасти поправить свое незавидное материальное положение, большинство заявлений башкир не было удовлетворено. Земельные отношения башкир регулировались особым Положением от 1865 г., согласно которому продажа и дарение свободных за душевым наделом земель башкир-вотчинников разрешались только в казну и сельским обывателям. Этот пункт вошел в закон от 10 февраля 1869 г. и постановление Комитета министров от 20 апреля 1898 г. МВД в своих комментариях подчеркивало, что мечети, медресе и мектебы не могут быть отнесены к категории юридических лиц, принимающих в дар или покупающих башкирские вотчинные земли.

Только в 1912–1914 гг. в документах Духовного собрания зафиксировано 20 отказов башкирским обществом в оформлении передачи земли в вакуфы мечетям. Общая площадь предполагаемых пожертвований составляла 1 706 десятин земли. В своих петициях заявители-башкиры выражали недоумение по поводу законодательства, разрешающего свободную продажу и дарение земель всем, кроме их духовных заведений. Они попрекали соответствующие губернские правления в систематических отказах и обвиняли муфтия и заседателей в бездействии, в частности неотправлении приговоров сельских обществ по инстанции в Санкт-Петербург.

Движение за передачу башкирских земель в форме вакуфов в Пермской губернии усилилось в 1912 г., когда после окончания межевания земель на местах остались свободные наделы. Развернулось движение за передачу земель мечетям, медресе и кладбищам, одним из активных участников которого был Мухамеджан Абдалов. В деревнях Аудюковской волости в вакуф были поданы заявки на утверждение 190 десятин земли. Уфимский учитель Зуфар

Кашми считал, что гайнинские башкиры проявили свой ум и земля как везде не продается тысячами гектаров. Пожертвования он рассматривал как замаливание грехов за уничтоженные леса.

Следует отметить, что в аналогичном положении находились и казахи, желавшие передать земельные участки мечетям. Согласно положениям Степного уложения 1868 г. казахи степных областей Западной Сибири и Оренбургской губернии были изъяты по «духовным делам» из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания и лишены возможности установления вакуфов в пользу мечетей. В результате десятки заявлений казахов о передаче земли духовным учреждениям остались неудовлетворенными. Например, в 1903 г. не осуществлялось предоставление Абдулкариром Мурзиным 7-й соборной мечети г. Семипалатинска земельного участка площадью 720 кв. сажень.

Проблема изменения законодательства по отношению дарения казахских и башкирских земель обсуждалась на 4-м мусульманском съезде, состоявшемся в июне 1914 г. в российской столице. В результате большинством голосов была принята резолюция о «предоставлении земельных надельных участков в пользу мечетей киргизских областей, там, где киргизы оседают, а также о предоставлении башкирам-вотчинникам всех губерний отчуждать возмездно и безвозмездно в пользу мечетей, мектебов и медресе свободные от душевых наделов земли».

В целом в силу малочисленности дворян, отсутствия крупных мусульманских землевладельцев «вакуфы феодального общества — земельные угодья — были крайне редким явлением».

В начале XX в., когда в вакуфную собственность стали поступать крупные имения татарских купцов, Духовное собрание попыталось с помощью административных мер установить полный контроль над ними. Однако учреждение переоценило свои возможности. Мутаваллии вакуфов, это прежде всего относится к распорядителям имущества Ахмеда Хусаинова и Мухаметширифа Яушева, проявляли изрядную самостоятельность, не желая отчитываться перед Духовным собранием. Министерство внутренних дел, куда обращались и муфтий и мутаваллии, четко выдерживало общую линию 1910 г. Особого совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае, направленную на ослабление роли Духовного собрания в жизни мусульманского общества.

Газеты «Йолдоз», «Вакыт» и «Тормош», принадлежащие к либеральному лагерю, приветствовали стремления семейств Хусаиновых, Яушевых, Хакимовых, Усмановых и других поделиться своими богатствами на благо общества и тем самым способствовать его процветанию и прогрессу. Строительство школ, больниц, библиотек, помощь шакирдам и преподавателям они относили к высшей форме благотворительности. Встречались публикации относительно правильного использования вакуфной собственности, исполнения духовных завещаний, расходования средств по назначению, предоставления стипендий на обучение действительно нуждающимся.

Передача имущества в вакуф в широком плане рассматривалась как форма благотворительности, направленная на сохранение мусульманской, национальной идентичности в христианской стране. В то же время преследовались и узкие задачи — поддержание в должном состоянии культовых и образовательных учреждений, обеспечение денежными средствами мусульманского духовенства.

ОМДС, безусловно одобряя различные формы благотворительности, рассчитывало через введение специального налогообложения вакуфов поправить собственное финансовое положение. Конечно, внутри мусульманских общин не все было так гладко. Есть множество примеров, когда вопросы распределения вакуфного дохода решались не только в жарких теоретических спорах, но и в столкновениях и многолетних конфликтах. Это отнюдь не способствовало консолидации мусульманского общества, однако данные факты не следует абсолютизировать. Собственность сама по себе предполагает наличие бурных дебатов по поводу ее эффективного использования.

Долгое время государственные структуры обходили стороной вакуфную проблему. Однако даже растущее количество «европейских» вакуфов не заставило правительство обеспечить их правовое регулирование. Скорее всего, оно занимало выжидательную позицию, пытаясь отложить решение вопроса до принятия общего законодательства об управлении нехристианскими исповеданиями в стране. Хотя правительство и отказывалось признавать в официальных документах вакуфы, тем не менее не препятствовало, в целом, их росту. Российское законодательство позволяло развиваться всем видам пожертвований и дарений. Можно привести только несколько случаев умышленного затягивания регистрации вакуфов. Самым же существенным фактором, сдерживающим их

рост, оставался запрет на передачу башкирских и казахских земель в пользу мечетей и медресе.

ОМДС как правительственные учреждение видело свою роль во всемерной поддержке развития вакуфной собственности, в усилении собственного контроля над действиями попечителей, в разработке соответствующего законодательства. Не имея необходимых полномочий от правительства, оно пыталось действовать самостоятельно, что получило решительный отпор не только со стороны государственных чиновников, но и вызвало недовольство у крупных благотворителей. Действия Духовного собрания оценивались как вмешательство во внутренние дела мусульманских общин, попытка присвоить собственность культовых и образовательных учреждений. Несмотря на подобные нападки, государственно-религиозному учреждению удалось выдержать свою линию, направленную на введение двойного контроля над расходами вакуфных средств. Такая политика получила поддержку со стороны большинства мусульманского общества. Даже самые ярые противники Духовного собрания признавали правоту муфтия и заседателей в этом вопросе. Не случайно в петициях мусульман содержалось требование о полной передаче вакуфных дел в ведение этой единственной мусульманской структуры. Более того, в учредительных документах привычным стало введение особого пункта о праве Духовного собрания контролировать вакуфы и в случае неправильного поведения мутаваллиев удалять их с должности. Таким образом, сложилась довольно необычная ситуация. В начале XX в. в силу объективных причин, основная из которых — принадлежность к государственному аппарату, Духовное собрание не могло претендовать на главные роли в отстаивании интересов мусульманского населения. Тем не менее его деятельность в области систематизации, организации делопроизводства и контроля над вакуфами объективно способствовала их росту, а значит, укреплению основных институтов мусульманского общества, какими оставались культовые и образовательные учреждения.

20 ноября 1917 г. на Национальном собрании учреждение представило доклад о вакуфах. Всего на подведомственной Духовному собранию территории насчитывалось 320 вакуфов на сумму 1 019 198 рублей 7 копеек. Однако в связи с инфляцией, по мнению учреждения, стоимость всех вакуфов достигла в России как минимум 10 млн рублей.